

Клод Изнер

Коричневые башмаки с набережной Вольтера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7690879

Изнер, Клод Коричневые башмаки с набережной Вольтера : [роман]: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-078612-1

Аннотация

Новый, 1898 год начался для парижан с известия об убийстве книготорговца. А его коллеги по профессии и сыщики по призванию Виктор Легри и Жозеф Пиньо в очередной раз дали близким родственникам клятву навсегда покончить с опасными расследованиями. Но как же можно оставаться в стороне, если на набережной букинистов, где трудится крестный отец Жозефа, найден обезглавленный труп и череда таинственных преступлений, в которых фигурируют... конфитюры и старинный манускрипт, продолжается?

Содержание

Глава первая	5
Пятница, 31 декабря 1897 года	5
Понедельник, 3 января 1898 года	6
Глава вторая	9
Суббота, 8 января 1898 года	9
Глава третья	19
Воскресенье, 9 января	19
Глава четвертая	27
Ночь с 9-го на 10 января	27
Понедельник, 10 января	28
Глава пятая	36
Вторник, 11 января	36
Глава шестая	40
Среда, 12 января	40
Глава седьмая	46
Четверг, 13 января	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Клод Изнер

Коричневые башмаки с набережной Вольтера

В память о Йорисе Ивенсе

*Посвящается Октаву Узанну, Шарлю Додеману, Морису Корбу,
Луи Лануазле, Морису Пернетту, Ги Сильве, историографам
набережных Сены и букинистам, чьи заметки помогли создать
атмосферу этой книги*

Нашим любимым

*Измочены ливнем, истрепаны ветром
Книги-бедняги. Над парпетом
Страницы развеет дыхание Сены,
Мелькнет на заглавном листе посвяченье...*

Жорж Фуре Из сборника «Негритянка-блондиночка»

Les souliers bruns du quai Voltaire

© Éditions 10 / 18, Département d'Univers Poche, 2011

© Павловская О., перевод, 2013

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2013

Глава первая

Пятница, 31 декабря 1897 года

От ворот Сен-Дени до площади Мадлен протянулись рождественские ярмарочные ряды, меж ними плескалось море цилиндров, котелков, шубеек и рединготов, люди толклись у прилавков, заваленных безделушками, поздравительными открытками, нотами модных песенок, игрушками; были там явлены широкой публике и хитроумные изобретения, которым предстояло в скором времени пойти в народ. У входа в бистро владельцы выставили целые корзины устриц, и те опустошались в мгновение ока; отцы семейств с чадами и домочадцами штурмовали мясные лавки, украшенные гирляндами из кровяной колбасы; пивные гостеприимно распахнули двери, и внутри уже набирали обороты веселые пирушки.

Возле афиши Стейнлена¹ какой-то оборванец сгорбился над жаровней, раздувая огонь под сковородкой, полной каштанов. Отсветы пламени упали на пару коричневых башмаков, чьи подошвы проскрипели мимо битумной крошкой, устремляясь дальше по тротуару.

В паре шагов от музея Гревен² уличный фотограф зазывал клиентов:

– Портретик на ходу! Не скупердяйствуйте, любезный! Всего десять су! Ну-ка, улыбочку!

По коричневым башмакам захлопали полы плаща, башмаки потоптались на месте и, свернув с дороги, спешно направились к пассажиру Жюфруа.

На улице Гранж-Бательер шум праздничной толпы, затопившей бульвар, превратился в отдаленный глухой ропот. Справа от входа в подъезд доходного дома красовалась позолоченная табличка:

Мэтр Ж. Франсуа
нотариус
5-й этаж, налево

Каблуки коричневых башмаков простучали по плитам вестибюля до каморки консьержа, и раздался голос:

– Я к мэтру Франсуа. Откройте, будьте добры.

Застекленная створка, отделявшая вестибюль от монументальной лестницы, скрипнула и отворилась, а в последнюю секунду перед тем, как она захлопнулась, чья-то рука проворно подсунула кусочек картона под язычок замка. И не подумав воспользоваться лифтом, некто в коричневых башмаках, закутанный в плащ с капюшоном, взбежал по ступенькам. На пятой лестничной площадке некто разулся, тихо поднялся на антресольный этаж и нажал на кнопку звонка.

Обитатель квартирки открыл гостю дверь – и отшатнулся, попятился в глубь прихожей, увидев нацеленный на него нож.

---

¹ Теофиль-Александр *Стейнлен* (1859–1923) – французский художник, представитель реализма и модерна. – *Примеч. пер.*

² *Музей Гревен* – один из старейших в Европе музеев восковых фигур на бульваре Монмартр. – *Примеч. пер.*

Понедельник, 3 января 1898 года

УБИЙСТВО КНИГОТОРГОВЦА

Вчера утром книготорговец г-н Состен Ларше, проживавший на антресольном этаже доходного дома на улице Гранж-Бательер и там же осуществлявший коммерческие сделки, найден мертвым. Смерть наступила в результате многочисленных ударов ножом. Г-н Ларше, прозванный Живодером, продавал поштучно гравюры и миниатюры, вырванные из книг. То бишь можно сказать, что его постигла та же участь, каковую он уготовил многим библиофильским сокровищам. Книготорговец был привязан к стулу в собственном жилище, кисти и лодыжки стянуты бечевкой, лицо покрыто синяками. Распотрошенные книги, сброшенные с полок, валялись горами на полу. По мнению судмедэксперта, убийство было совершено в канун Нового года, и, вероятно, именно поэтому соседи ничего не слышали. Тридцать первого декабря около пяти часов вечера консьерж впустил в дом кого-то из нотариальной конторы мэтра Франсуа, проживающего в пятом этаже. Исчезло ли что-то из собрания книг, неизвестно.

Человек дочитал заметку и отшвырнул газету, процедив сквозь зубы:

– Ну надо же до такого дойти! Глупость несусветная...

Впрочем, еще оставалась надежда, что развитие событий пока не достигло точки невозврата.

Он коснулся клавиш клавиатура, и из-под пальцев полилась мелодия, тотчас снявшая нервное напряжение. Virtuозное владение инструментом, красота его музыкальных сочинений снискали человеку в свое время прозвище Амадей. В устах друзей это имя было классической шуткой и манерой показать собственную эрудицию – мало кто из них действительно слышал произведения Моцарта.

Амадей взял последний аккорд и опустил крышку клавиатура. Мысли его устремились в прошлое, к тому злополучному дню 1792 года, когда был утрачен драгоценный манускрипт.

Во все времена книги становились объектом уничтожения. Миссионеры Нового Света истребили тысячи рукописей, заподозренных в пропаганде идолопоклонничества, лишив тем самым человечество уникальных документов, хранивших сведения по истории и языкам коренных народов обеих Америк.

Музыкант прошелся по комнате. На протяжении веков повсюду на земле библиотеки горели и подвергались разграблению, но в глубине души он лелеял надежду, что вождельный манускрипт избежал злых превратностей судьбы. И два года назад Амадей получил тому подтверждение из беседы с нотариусом сыновей герцога Кастельского. Бесценное книжное собрание герцога, рассеянное по библиотекам наследников, было выставлено на аукцион.

Амадей остановился перед зеркалом. Высокий гладкий лоб, нос с небольшой горбинкой, матовая кожа, четко очерченный рот придавали его лицу аристократическую утонченность, в которой не было, однако, и тени спеси. В своем квартале он слыл чудачком, и многие строили самые фантастические предположения о его происхождении. Он прогуливался по округе, зимой и летом облаченный в долгополый сюртук и синий шерстяной каррик³ с бархатным подбоем. Белый галстук и панталоны в красную полоску дополняли наряд. Неиз-

---

³ Каррик – мужское пальто с несколькими пелеринками. – Примеч. пер.

менно носил он также лайковые перчатки и темные кожаные башмаки с квадратными мысками, на плоском каблуке. Длинные волосы, перехваченные на затылке лентой, спускались из-под треуголки с загнутыми вверх кончиками полей. Возраст его определить на глазок было невозможно: тридцать пять, сорок?..

Амадей снимал третий этаж в особнячке на улице Жюстис. Если он выглядывал из окна и смотрел налево, перед ним открывался вид на резервуары в форме гигантской подковы, куда поступали воды из акведука Дюира и из Марны; увиденное больше походило на огромную прерию, нежели на гидравлическое сооружение. Справа же днем можно было различить вдали заставу Менильмонта, линию городских укреплений и косогоры Баньоле и Монтрёя.

В пристроенном к особнячку хлеву замычала корова. Когда после долгих скитаний по Европе Амадей два года назад очутился в этом районе Парижа, его привлек как раз унылый сельский пейзаж с водохранилищем. Здесь он почувствовал себя в безопасности. Но главное – здесь ничто не угрожало его бесценным документам.

Амадей, примостившись у краешка стола, пообедал омлетом с салом и кусочком окорока, затем попытался отвлечься от серьезных мыслей французским пасьянсом, да так и не разложил его до конца. Порывшись в чреве пузатого комода работы Шарля Крессана⁴, он выгреб на пол несколько ветхих манускриптов и перенес их на канапе, где дремал упитанный серый кот. Амадей уже не рассчитывал собрать «Воспоминания дипломата», написанные кардиналом Гранвелем, поскольку бо́льшая часть оригиналов на пергаменте была утрачена. Зато он напал на след драгоценного манускрипта, находившегося в собственности наследников герцога Кастельского. Манускрипт фигурировал в каталоге аукционного дома Друо, датированном 18 апреля 1897 года, в группе лотов, имеющих отношение к истории Парижа. Его приобрел некий Состен Ларше.

Подобраться к этому человеку было непросто. Пришлось долго выпытывать его род занятий и адрес у оценщика, затем разведывать все о склонностях и пристрастиях надомного книготорговца. Но в конце концов Амадей нащупал его слабое место, нашел способ завоевать доверие. Состен Ларше оказался заядлым шахматистом. Достаточно было бросить ему вызов и пару раз проиграть, чтобы наладить приятельские отношения. Поначалу они устраивали шахматные турниры в бистро на бульваре Монмартр, потом Состен Ларше пригласил Амадея к себе на улицу Гранж-Бательер. Летом они сыграли множество партий вничью, и в перерывах Амадею удалось втихаря составить опись жалких останков книг, уже лишенных переплетов, но пока не раздраконенных – как выяснилось, Ларше собирался сбыть их своим партнерам-книготорговцам или библиофилам. Амадей сразу испросил дозволения изучить повнимательнее несколько редких экземпляров, вытащил дюжину покалеченных томиков из стопки с табличкой «Недавние приобретения», и сердце его дало сбой, как только взгляд упал на тонкую книжицу с заглавием «Мемуары Луи Пелетье».

– Что это? – спросил он.

– Да ерунда какая-то в духе «Тайн природной магии Великого Альберта и Малого Альберта», – пожал плечами книготорговец. – Я приберег ее для одного постоянного клиента.

Амадей, воспользовавшись тем, что Ларше на минуту отлучился из комнаты, вырвал из книжицы один лист, скомкал его и сунул в карман. Можно было бы стащить и весь манускрипт, но книготорговец вернулся, убрал книжицу в ящик и запер его на ключ.

– Ваш ход, месье Амадей.

– Ах да, прошу прощения.

Амадей сосредоточился на шахматной доске, поразмыслил немного и пошел пешкой. Ларше пожертвовал слона, Амадей последовал его примеру. Решение было принято.

---

⁴ Шарль Крессан (1685–1768) – мастер-мебельщик. – Примеч. пер.

– А все-таки я везунчик, всегда так было, – сообщил Амадей своему отражению в зеркале с амарантовой рамой, висевшем на стене напротив канапе. И насмешливо подмигнул. – Никому не узнать, кто ты на самом деле такой, приятель. Разве что котик про тебя кому шепнет, но коты на то и коты, чтобы только мяукать. Верно, Грипмино?

Польщенный вниманием к своей персоне, серый кот потянулся и плавно переместился на колени хозяина. Амадей достал украденный листок, расправил его и прочитал вполголоса:

Я, Луи Пелетье, пишу сие 10 августа 1830 года. Вчера палата депутатов провозгласила Луи-Филиппа королем Франции. Такова цена трех дней восстания и двух с лишним тысяч смертей. Что ж, клин клином вышибают, человек привыкает ко всему, и это новое правление не заставит свернуть с пути страстного обожателя старинных манускриптов, не помешает его изысканиям. Это ли не счастливая возможность завладеть за горбушку хлеба не каким-то там столовым серебром, а книгами, кои будут продавать на каждом углу в нынешнюю революционную пору? Такое уже бывало – после 9 термидора Париж уподобился огромному аукционному залу, где все шло с молотка: мебель, произведения искусства, ковры, белье, книги. Люди торговали всем подряд, лишь бы добыть себе пропитание. Набережная Вольтера превратилась в галерею гравюр, в музей переплетов, в библиотеку дворянских семей, подвергавшихся гонениям. Я напал на след. Надобно найти *Средину Мира*.

Глава вторая

Суббота, 8 января 1898 года

Виктор склонился над колыбелью и провел пальцем по шелковистой щечке дочери. У Алисы резался зуб, она устала плакать, наконец заснула, и на ее личико, теперь безмятежное, легли отсветы таинственных снов, увлекших малышку прочь от этого мира. Крошечный кулачок она прижала ко рту, на губах бродила смутная улыбка – то вымученная, то радостная.

– Муки и радости, – прошептал Виктор, – два полюса человеческого бытия.

Он рассеянно приласкал кошку Кошку – та крутилась у ног, выпрашивая лакомство, – подхватил ее под брюхо и вынес в коридор. Кошка разразилась возмущенным мяуканьем, едва у нее перед носом закрылась дверь.

Кроватью между тем завладела Таша. Она хоть и спала как убитая, но шестым чувством, вероятно, ощутила, что обе подушки теперь принадлежат ей, и торжествующе растянулась на спине, раскинув руки на все супружеское ложе. Виктор нежно поцеловал ее в мочку уха, и Таша сонно пробормотала:

– В котором часу придет жена столяра?

– Спи, рано еще.

Осенью, когда Эфросинья Пиньо заявила, что не может больше работать на два дома, Луиза Бодуэн, жена столяра и мать двух девочек, живущая по соседству, предложила чете Легри свои услуги. Это была славная женщина покладистого нрава и к тому же отличная стряпуха. Так что все устроилось ко всеобщему облегчению.

Виктор умылся, бесшумно оделся и побрел на кухню, где, преодолевая отвращение, нарезал для Кошки тонкими ломтиками говяжье легкое с кровью, а затем, прихватив с собой все, что нужно для плотного завтрака, направил свои стопы в Ташину мастерскую на другой стороне двора. Сереющий рассвет еще не растопил на брусчатке тонкий слой льда, и Виктор продвигался осторожно, как по стеклу. В мастерской он выпил кофе и поел, стоя перед мольбертом с последним творением жены – это был портрет ее матери в полный рост. Джина, помолодевшая и постройневшая, красовалась на нем в платье декольте из миндально-зеленого бархата и в бежевых перчатках. Она опиралась на руку мужчины, оставшегося «за кадром», другой рукой прижимала к бедру веер. Художнице особенно удался загадочный взгляд Джины, направленный на зрителя, – взгляд, в котором удивительным образом смешались беспокойство и внутренняя сдержанность, томность и бесстрастность, и невозможно было сказать, какое из этих состояний берет верх в ее душе. Так или иначе, всякий взглянувший в темные глаза женщины на портрете непременно попал бы под чары их обладательницы и возмнил бы, что она смотрит только и именно на него.

Завороженный этим произведением искусства, Виктор почувствовал потребность поднять самооценку, удостовериться в силе собственного таланта и отправился в сарай, который в прошлом году сдал ему месье Бодуэн. Теперь это было приватное владение Виктора – его фотолаборатория. Он долго провозился с обледеневшим всяческим замком, истратив дюжину спичек, и наконец вошел. Внутри было холодно. Виктор торопливо разжег просмоленные щепки в каминной жаровне, подбросил туда лопаткой угли и с трудом дождался, когда воздух прогреется.

Над столиком возле раковины висели несколько пробных отпечатков – он вчера достал их из ванночки с закрепителем. Вот Алиса сидит на высоком детском стульчике, личико перепачкано кашей; Таша в нижней юбке, зажав в зубах кисточку, величественным жестом

указывает на портрет Джинны; снова Алиса – хохочет, глядя вслед удирающей от нее со всех лап Кошке.

Виктор уменьшил тягу в камине над жаровней, подождал, пока огонь погаснет, облачился в редингот, надел шляпу и кашне и снова сразился с замком – на сей раз тот отказался запирается. Во дворе Виктор помедлил, размышляя, взять ли велосипед. «На такой гололеде и навернуться недолго. Лучше поеду на omnibusе. Нет! На фиакре».

Неспешно, стараясь не оскользнуться, он зашагал к бульвару Клиши. Виктор терпеть не мог зиму, но чувствовать, как легкие наполняются студеным воздухом столицы, было приятно. Париж и зимой принадлежал ему безраздельно. Его преследовало навязчивое желание убежать из дома, хотя девочек своих он обожал. Однако бегство из лона семьи сулило радость возвращения, а пока, в предвкушении этой радости, можно было побыть наедине с собой, с Виктором Легри, не обремененным почетными званиями мужа и отца. Подышать полной грудью. Подумать.

– Ну и холодрыга! – проворчал Жозеф, борясь с панталонами, которые никак не хотели налезать на ноги. – Я весь в гусиной коже!

Где гуси, там и утки – его мысли снова обратились к роману-фельетону «Демоническая утка». Этот шедевр стоил ему нескольких месяцев упорного труда и вот наконец недавно был сдан в редакцию «Пасс-парту». По мнению главного редактора Антонена Ключезеля, озаченного исключительно увеличением тиража родной газеты, «Демоническая утка» являлась лучшим творением Жозефа. «Много он в этом понимает! – удовлетворенно хихикнул автор. – Я еще превзойду себя, клянусь блаженной Глокеншпиль!»

Он осторожно приоткрыл дверь детской. Дафнэ спала, засунув в рот большой палец, малыш Артур посапывал в колыбели. «Только бы сынулька не проснулся! Если опять раскричится – пиши пропало, разбудит Дафнэ, и эта пигалица повиснет у меня на фалдах, ни на шаг не отойдет, защитница». Навязчивая идея о том, что она должна защищать отца от всего на свете, появилась у девочки с тех пор, как Эфросинья поведала ей об опасностях, подстерегающих человека на улицах столицы. В перечень входили фиакры, трамваи, груженные телеги, лошади, молочные фургоны, развивающие немислимую скорость, велосипедисты и omnibusы, которым дела нет до пешеходов, а также грабители, мошенники и прочий сброд. И в этом кошмаре ее дорогой папочка проводил каждый божий день.

«Надо же было додуматься рассказывать такие байки малявке, которая возомнила себя поборницей справедливости, потому что кое-кому пришла в голову блестящая идея прочитать ей «Дело вдовы Леруж»⁵. Малявке трех с половиной лет! И самое ужасное, что она все поняла. Да уж, матушка тот еще педагог!»

Но как можно злиться на Эфросинью? Она хоть и смотрит порой на сына букой, в глубине души страшно гордится своим долговязым отпрыском, достойным конкурентом месье Лекока⁶. Душой и телом предана потомству, обожает Артура – младшенького внука, семимесячного карапуза весьма строптивого нрава. «Ну точная копия Габена, его дедушки, только усов не хватает», – любит повторять счастливая бабушка. А с какой самоотверженностью она потакает всем кулинарным капризам снохи, вегетарианки Айрис!

«Бедная моя матушка! Воистину тяжек твой крест, но я всегда готов подставить плечо!» – мысленно вздохнул Жозеф и пошел на кухню поискать что-нибудь на завтрак. В недрах буфета обнаружился кусок сыра бри каменной твердости, а багетом, хранившимся там же, при желании можно было бы воспользоваться в целях самообороны или даже нападения.

---

⁵ «Дело вдовы Леруж» – детективный роман Эмиля Габорио (1832–1873). – *Примеч. пер.*

⁶ Месье Лекок – полицейский следователь, главный герой нескольких детективных романов Эмиля Габорио. – *Примеч. пер.*

Зато на серванте выстроились в несколько рядов красные яблоки, и Жозеф, слопав два за раз, выбросил огрызки во двор через форточку. Заметив его, не слишком пугливый дрозд сперва проскакал по ветке липы, а потом до того осмелел, что запрыгнул на подоконник.

– Точно, почему бы и тебе не перекусить? В такой мороз не то что птичка, а и человек клювом защелкает. Вот и этот сухарь сейчас пригодится.

Два воробушка тоже решились воспользоваться счастливой возможностью подкрепиться, но всю троицу обратил в бегство какой-то бродячий кот.

Жозеф заглянул в супружескую спальню. Айрис свернулась калачиком на краю кровати – такая хорошенькая, уютная, что ему захотелось примоститься рядышком. Жозеф до сих пор не мог взять в толк, как ему, парню с пусть и не очень заметным, но все-таки горбом, удалось обольстить эту нимфу. «Я запрещаю тебе произносить слово «горб», – однажды заявила ему Айрис. – Таша права: ты настоящий *мужик*, и я обожаю тебя таким, какой ты есть».

Он на цыпочках вышел из квартиры, мысленно взывая к малышам, чтобы поспали подольше и дали отдохнуть своей матери. Впрочем, Эфросинья придет ровно в девять, а когда эта капитанша дальнего плавания берется за штурвал, можно не сомневаться, что корабль благополучно причалит в тихой гавани.

Жозеф спустился по лестнице, стараясь не споткнуться на ступеньках, выложенных терракотовой плиткой. Потолок в подъезде зарос паутиной, на полу валялся салатный лист – видимо, выпал из корзинки вдовы Гайо, живущей во втором этаже и взявшей на себя обязанность прибирать общественную площадь в доме за вознаграждение.

– И за что мы платим этой бездельнице? – проворчал Жозеф.

Он вышел со двора старого доходного дома на улице Сены через арку с воротами между упаковочной лавкой и мастерской по реставрации фарфоровых изделий. Холод сразу пробрал до костей, Жозеф поднял воротник пальто и натянул поглубже котелок. Город, принарядившийся серебристым инеем, не затронул поэтических струн его души, и молодой человек, не глядя по сторонам, торопливо зашагал к набережной Контти.

– Черт, забыл перчатки! Теперь замерзну до смерти, и все ради того, чтобы помочь одному полицейскому совершить самую ужасную ошибку в его жизни! – пробормотал он.

Рауль Перо всю ночь не смыкал глаз. Принятое им решение вовсе не было следствием внезапной прихоти – оно стало итогом долгих раздумий, которыми комиссар терзал себя всю осень напролет. Однако сейчас, когда первые лучи зари светлого будущего робко проникли в его новое скромное жилище, страх усилился. Быть может, не стоило менять синицу в руках на журавля в небе?..

Комиссар полиции – это вам не абы что, это приличное жалованье, блестящие перспективы, престижная карьера... Всё так, но он, поэт, влюбленный в литературу, не может больше терпеть подле себя убийц и мошенников, пусть ему порой и кажется, что он уже свыкся с этим сбродом и даже черпает вдохновение в общении с ним. Одним прекрасным утром месье Перо вдруг осознал, что питает отвращение к своей работе и, коли ему нужна свобода, созвучная его творческим порывам, единственное, чем он может заняться, – это торговлей книгами. Обзавестись собственным книжным магазином? Даже не обсуждается. Снять закуток? Все равно слишком затратно. Зато получить концессию на десятиметровый участок набережной Сены и выплачивать пятьдесят франков арендной платы в год – совсем другое дело, а надо для этого всего лишь написать прошение префекту. И лучшим своим пером господин комиссар, перечислив в начале собственные звания и регалии, начертал:

Честь имею просить высочайшего дозволения на получение места
букиниста. Все свои чаяния возлагаю на...

Письмо он передал одному знакомому парламентарии, и шесть недель спустя пришел ответ префекта:

Имею удовольствие сообщить, что в соответствии с постановлением
муниципального совета Вам предоставляется место на набережной
Вольтера, участок № 11, освобожденный мадам...

Рауль Перо чуть в обморок не упал от счастья. Оставалось только закончить опись домашней библиотеки – книгами из своего собрания он рассчитывал заполнить шесть ящиков, доставшихся ему от одной бывшей зеленщицы, впоследствии ставшей лоточницей и недавно скончавшейся в возрасте восьмидесяти девяти лет. Ее рабочее имущество, купленное комиссаром за гроши у родственников, сейчас ждало нового хозяина на набережной Контти. Для себя месье Перо собирался приберечь только дорогие сердцу сочинения Жюль Лафорга⁷, прочее будет выставлено на продажу, и таким образом удастся сводить концы с концами. Он достаточно часто бывал на набережных букинистов, чтобы понимать: богатым ему никогда не сделаться, но при правильном подходе к торговле скромное, однако же без угрозы нищеты существование считай обеспечено.

Шаваньяк и Жербекур, верные помощники комиссара, очень расстроились, узнав, что патрон бросает их ради сомнительного и нестабильного заработка. В качестве прощального подарка они преподнесли месье Перо черепаху – точную копию покойной Нанетты, в которой он когда-то души не чаял. Пресмыкающееся, чей пол установить не предвиделось возможности, торжественно нарекли в честь ученого Фламариона именем Камиль, потому что его носят как мужчины, так и женщины.

«И все-таки, патрон, что за дурацкое ремесло вы себе придумали! – не выдержал Шаваньяк. – Часами ждать, что какой-нибудь книгочей подгребет к вашей стойке и расстанется с парой франков...»

«А я слышал про одного чудика, который даже на еду деньги не тратил – жевал герань и копил на философские трактаты», – вздохнул Жербекур.

Рауль Перо покинул свою уютную квартиру на улице Флерю и перебрался в каморку под самой крышей домишки на улице Невер неподалеку от Нового моста. В каморке было темно и зябко, зато все книги туда уместились, и то ладно. Из прежнего жилища он взял сюда только кровать, стол, два стула и два дорожных сундука, которые еще его прапрадед привез из Индии. Печурка тут едва теплилась, освещение оставляло желать лучшего, ванная и уборная находились в одном крошечном помещении в конце коридора, но что до этих житейских мелочей будущему прославленному поэту-библиофилу?

Нынешним утром 8 января житейские мелочи, однако, изрядно выросли в масштабах. Сначала дрожащий от холода Рауль Перо не смог разбить лед в растрескавшемся кувшине возле умывальника, и от водных процедур пришлось отказаться; затем выяснилось, что уборная прочно и надолго оккупирована соседкой – матроной внушительных пропорций, страдающей хроническими запорами. По счастью, в коридоре обнаружился ночной горшок без крышки.

Покончив с утренним туалетом, Рауль Перо расчесал пышные усы, облачился в помятый костюм, нахлобучил шляпу а-ля Виктор Гюго и в таком виде сгрыз черствую булочку. Посмотрел на часы и убедился, что выходить из дому еще рано. Тогда он сел на кровать, положил на колени записную книжку и в сотый раз принялся подсчитывать будущую прибыль, чтобы успокоить нервы.

«Учитывая, что стойка букиниста из нескольких ящиков вмещает в среднем тысячу двести томов, достаточно продавать каждый день сорок книг по пятьдесят сантимов, чтобы

---

⁷ Жюль Лафорг (1860–1887) – французский поэт-символист. – *Примеч. пер.*

выручить сумму в двадцать франков. Добавим сюда одну-две антикварные диковинки стоимостью от пяти до пятнадцати франков и залежавшийся товар, который можно сбывать стопками по цене от пяти до двадцати су, – и вот пожалуйста, прибыль должен превзойти мои скромные чаяния!»

Ему вспомнился один старик букинист с набережной Монтебелло. Хмурым осенним днем этот человек в обносках и чиненых-перечиненых сапогах стоял у воды и смотрел на то место, откуда только что выловили труп самоубийцы. При виде комиссара старик сказал: «Ну хоть какое-то развлечение забесплатно. За деньги-то – оно только для буржуев. Туристы от наших прилавков нос воротят, им горгулью с собора Парижской Богородицы подавай. А мои песенки за два су не нужны никому».

По счастью, Рауль Перо встречал и других букинистов – настоящих эрудитов, торговавших хорошими книгами и даже редкими манускриптами. Один из них, с которым комиссар подружился и который теперь станет его соседом по участку на набережной Вольтера, читал Платона, Гете и Шекспира в оригинале. Карьерой, обеспеченной блестящим образованием, он пожертвовал ради двух высочайших ценностей – социальной независимости и душевной свободы. Звали его Фюльбер Ботье.

В любое время года Фюльбер Ботье выходил из своей двухкомнатной квартирки на улице Гарансьер с первыми лучами зари, чтобы в полном одиночестве прогуляться по пустынным набережным. Ему нравилось чувствовать себя властелином в этом царстве воды и камня. На правом берегу терялись в рассветной дымке башня Святого Иакова – палец, воздетый к небу, – павильон Флоры⁸ и фасад Лувра. На участке берега, где стояли его ящики с книгами, росли платаны, под ними трясогузки вечно затевали сражения с воробьями; рядом находился причал для кораблей из Сюресна. А прямо напротив букинистической стойки Фюльбера, на углу улицы Бон, располагался дом, на втором этаже которого, над нынешним кафе-рестораном, прожил свои последние годы месть де Вольтер и здесь же умер больше века назад. Букинист закрывал глаза, и перед его мысленным взором вставал призрак щуплого господина в пурпурном бархатном колпаке, отороченном мехом, и с длинной тростью в руке. Фюльбер Ботье охотно отдал бы половину редких книг из личного собрания за возможность повернуть время вспять и встретиться с гостями фернейского философа. Кого же из них выбрать? Мадам де Некер, Глюка, Гольдони, Бенджамин Франклин? Энциклопедистов или актеров «Комеди-Франсез»?..

В свои шестьдесят Фюльбер Ботье неизменно носил шапокляк, скрывая лысеющую макушку, и круглые очки с затемненными стеклами. Над его тонкими губами красовались короткие, но густые усы.

Сегодня утром, когда Фюльбер остановился на набережной Конти, карманные часы показали ему ровно половину девятого. Сквер Вер-Галан тонул в рыжеватом тумане, чайки парили над вереницей барж, создавших затор в шлюзе Моннэ; там шла перепалка – мужчины и женщины, моряки и владельцы товара пытались как-то разрешить дело. Драги, скрепленные между собой цепями, вяло покачивались на воде у Нового моста. Белая пелена, укрывшая реку, скрадывала звуки. Эхом, будто издали, долетал железный скрежет омнибуса, катившего по маршруту Клиши – Одеон.

Ящики букинистических стоек под столетними деревьями были еще заперты, только папаша Мопертюи уже примостился на ветхой табуретке, кое-как починенной с помощью проволоки. Он специализировался на «Ревю де дё монд» Бюлоза⁹ и собрал уже пять тысяч

---

⁸ Павильон Флоры – часть Луврского дворца. – *Примеч. пер.*

⁹ «Обозрение Старого и Нового Света» – литературно-художественный и политико-философский журнал, издающийся в Париже с 1829 г. С 1831 г. его возглавлял Франсуа Бюлоз (1803–1877), привлекая к сотрудничеству множество видных французских деятелей науки и культуры – Сент-Бёва, Гюго, Бальзака и др. – *Примеч. пер.*

экземпляров. Еще он чрезвычайно ценил английских романистов XVIII века и похвалялся на каждом углу, что в двадцать четвертый раз перечитал «Жизнь и суждения Тристрама Шенди»¹⁰.

Фюльбер Ботье поздоровался с коллегой, отметив про себя, что тот наверняка и не ушел отсюда никуда – провел ночь на тротуаре, читая при свече. Папаша Мопертюи, надежно защищенный от стужи длинным плащом с каракулевой подкладкой и набитыми соломой башмаками, пробормотал в ответ приветствие, не поднимая головы, и, послюнив палец, перевернул очередную страницу. «Если Старуха с косой и впредь упорно будет делать вид, что навсегда позабыла о нем, папаша Мопертюи так и останется здесь, – подумал Фюльбер, – на набережной, будет уменьшаться день ото дня, мелеть, усыхать, и в конце концов ветер унесет прочь песчинку, в которую он превратится, как уносит и развеивает по свету овсяные зернышки из мешков, что приторочены на шее лошадей, запряженных в фиакры».

Вторым на набережную Конти прибыл Виктор Легри; почти сразу вслед за ним подошел Рауль Перо. Все трое придирчиво осмотрели стойку, пребывавшую не в лучшем виде.

– Надо будет заделать швы кое-где и покрасить. Шатается она к тому же. Вообще халтурная работа, просто удивительно, как в реку не опрокинулась, – проворчал Фюльбер Ботье. – Хорошо хоть нам в девяносто втором году дали разрешение крепить ящики к парапету, а до того совсем туго приходилось: надо было каждый день перетаскивать их туда-обратно. Утром устанавливаешь, вечером волочешь на хранение, и не просто так, а за двадцать су.

– Не нравятся мне эти съемные верхние крышки, – покачал головой Рауль Перо. – Боюсь, придется каждый раз, как соберется дождь, проделывать уйму лишних движений. А ведь осадки у нас тут, в Париже, дело нередкое.

– У меня есть знакомый мастер, он посадит вам крышки на шарниры – это очень удобно: стойка будет раскрываться и схлопываться, как устрица. А на выложенные книги при малейшей угрозе ливня накинете провощенную ткань – она прекрасно удерживает воду.

– А куда же деваться букинисту? – спросил Виктор.

– А букинист будет преспокойно сидеть в ближайшем бистро, надежно укрытый от непогоды.

– Я, к сожалению, немного стеснен в средствах... – признался Рауль Перо.

– Не переживайте, мастер все сделает в кредит, расплатитесь с ним весной, – успокоил его Фюльбер Ботье. – О, а вот и наша карета!

Погромыживая обитыми железом колесами, у водостока остановилась телега для перевозки бочек, запряженная двумя першеронами. С облучка радостно скалился веселый красномордый парень.

– Здорово, Шкварка-Биби!¹¹ – поприветствовал его Фюльбер. – Сам-то как?

– Сам-то выпить не дурак, да на работе ж! – еще шире разулыбался красномордый.

Тут наконец появился Жозеф: пальто и панталоны в грязи, вид разъяренный, ногу подволакивает.

– Что это с вами приключилось? – уставился на него Виктор.

– Шлепнулся, что! Чертов гололед. Шел себе – и раз! – всеми четырьмя копытцами в небо! Еще повезло, что не сломал ничего.

– Я знаю одно чудодейственное средство: абсент с ромом и лимонным соком, – поделился опытом Шкварка-Биби, раскуривая носогрейку.

---

¹⁰ «Жизнь и суждения Тристрама Шенди, джентльмена» – роман английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768). – *Примеч. пер.*

¹¹ *Шкварка-Биби* – кличка позаимствована у персонажа романа Эмиля Золя «Западня» из цикла «Ругон-Маккары» (пер. М. Ромма). – *Примеч. пер.*

– Ага, чудо не заставит себя ждать: все мое семейство соберется на похороны, – буркнул Жозеф, не переносивший алкоголь.

Впятером, кряхтя и отдуваясь, они водрузили ящики один за другим на телегу. Жозеф, лишенный перчаток, при этом ругался почему зря, всех извещая о том, что у него началось необратимое окоченение пальцев. Наконец груз был готов к отправке, и першероны без особой охоты поплелись к набережной Вольтера.

Разгрузка прошла быстрее благодаря участию коллег и соседей Фюльбера – за дело взялись Жорж Муазан, тщедушный человек лет сорока с воинственно выпяченным подбородком и в шляпе с фазаньими перьями, эксперт по книгам про охоту, и Люка Лефлоик, чудаковатый тип с пышной рыжей бородой и усами, за которыми не видно было даже носа. Не остались в стороне и два завсегдатая набережной букинистов: Гаэтан Ларю, обрубщик сучьев, служащий при муниципалитете, и сапожник Фердинан Питель. Виктор обратил внимание на обувь обрубщика сучьев – таким впечатляющим размером ноги среди его знакомых мог похвастаться разве что Рауль Перо.

И все было бы прекрасно, если б Жозеф в довершение своих бед не поранил средний палец, когда помогал крестному Фюльберу привинчивать к стойке металлическую скобу. Со всех сторон тотчас посыпались советы: «Надо продезинфицировать! Перевязать! Позвать врача! Хряпнуть абсенту с ромом!» Пока все говорили хором, столпившись вокруг невинной жертвы, Фердинан Питель медленно осел на тротуар.

– Ого, отрубился, что ли? – первым заметил это Шкварка-Биби.

– Просто день падений какой-то, – покачал головой Фюльбер Ботье.

Сапожник, шуплый молодой человек с мальчишеским лицом и копной белокурых нечесанных кудрей, уже пришел в себя и с трудом поднялся.

– Прошу прощения, не выношу вида крови, – пробормотал он, жестом показав, что все в порядке и ему нет нужды присаживаться на любезно предложенную табуретку.

– Ох и глубокая же рана! – напомнил о себе Жозеф. – Теперь работать не смогу.

Виктор перевязал ему палец собственным платком. Рауль Перо всех поблагодарил за помощь и предложил отметить новоселье в бистро напротив. Вся компания радостно согласилась, но тут заявился еще один обитатель набережной букинистов – о его приближении стало известно метров за десять по крепкой чесночно-сивушной вони. Здесь его все так и звали – Вонючка, а настоящего имени уже никто и не помнил.

– В бистро собираетесь? И вы угощаете, месье? – осведомился Вонючка. – Стало быть, вы новенький, номер одиннадцатый? Вот и славно, а я пятнадцатый, будет с кем поболтать. Между нами только мадам Бомон, но она больше по вязанию, книги ее не увлекают. А уж я-то знаю толк и в «альдах», и в «эльзевирах»!¹² Справа от вас свободное место – будем надеяться, его вскоре займет истинный библиофил и букинист. Что замечательно, по этой набережной толпами ходят знаменитости. Вот взять хоть месье Анатоля Франса. Не правда ли, он чертовски шикарно выглядит в этой своей черной визитке и в галстук а-ля князь Саганский?¹³ А вот что прискорбно, так это то, что зимой соседние здания заслоняют солнце.

– Солнце? Где солнце? – оживился Люка Лефлоик.

Знакомство с Вонючкой существенно охладило пыл новоявленного букиниста Рауля Перо. Да и остальные в течение всего монолога медленно, шаг за шагом пятились в тщетной надежде спастись от источаемых номером пятнадцатым ароматов. Мимо, поджав хвост и тарашась на Вонючку безумными глазами, протрусила собака.

– Так сбрызнем переезд или нет? – не выдержал Шкварка-Биби.

---

¹² Имеются в виду издания книгопечатных домов Альда Мануция и семьи Эльзевир. – *Примеч. пер.*

¹³ Князь Саганский (Шарль Бозон де Талейран-Перигор; 1832–1910) считался образчиком мужской элегантности. – *Примеч. авт.*

Рауль Перо незаметно для других сунул ему в кулак монету и шепнул, что просит выпить за его, Рауля, здоровье, но сам никак не может поучаствовать в пирушке – срочные дела зовут.

– Ну, тогда привет честной компании, – осклабился не слишком разочарованный Шкварка-Биби. – Мне тут еще одну дамочку со всеми пожитками и мебелью в Безон перевезти надо, а это не ближний свет. Н-но, красотки мои! Плюшка, Редиска, отчаливаем!

Першероны опять угрюмо и неспешно двинулись в путь.

– Какой съедобный транспорт! – прыснул Вонючка. – Что клячи, что возница! Так что же, никто не хочет пропустить по стаканчику? Ну, стало быть, я один пойду.

Когда он удалился, Жорж Муазан, с наслаждением вдохнув свежий воздух, обозрел горизонт:

– Как по-вашему, господа, будет снегопад?

Люка Леффлоик, заслуживший прозвище Бюро Прогнозов – за то, что бдительно подстерегал любое облачко, дерзнувшее обогнуть мыс острова Сите, – пристально изучил небо над правым берегом в том месте, которое он называл «Медоновой дырой»¹⁴ и «лучшим небесным барометром».

– Едва ли, – вынес он вердикт. – Небо проясняется. И судя по тому, что на макадаме¹⁵ уже заметны отпечатки следов – вот, глядите, – началось потепление. Уж доверьтесь моему чутью, друзья, придется нам всем вкалывать до вечера. А жаль, я бы горло промочил с удовольствием.

– У вас появились новинки? – оживился обрубщик сучьев и указал пальцем на укрытые зеленой тканью книги.

– О да, дорогой друг, и какие! – откликнулся вместо Леффлоика Жорж Муазан.

– Ну, вообще-то охота меня не слишком увлекает, – отвел глаза Гаэтан Ларю.

– И меня, – поддержал его Фердинан Питель.

– Погодите, милейшие, я вас такими диковинками побалую! И Фюльбер тоже вчера утром набил ящики книгами!

– Да и у меня найдется, чем вас порадовать. – Наконец-то и Люка Леффлоику удалось вставить словечко. Говоря это, он мимоходом задвинул подальше две бутылки бордо – так, чтобы они скрылись за приобретенными по случаю несколькими «шарпантье»¹⁶.

Виктор и Жозеф распрощались со старыми и новыми знакомыми. Они уже сворачивали на улицу Сен-Пер, когда Виктор вдруг вспомнил, что у них в лавке закончилась оберточная бумага.

– Я быстро – закуплюсь на улице Мазарини и сразу вернусь!

– Ну да, – проворчал Жозеф, – бросьте смертельно раненного родственника погибать, наденьте ему ярмо на шею, заставьте его в одиночку открывать лавку! Отличный способ избежать ответственности и позволить себе сигаретку перед работой! Ну как, скажите на милость, я замки отопру покалеченной рукой? Это ж невозможно!

– Отважные сердцем не знают слова «невозможно!» – заявил Виктор и умчался прочь.

Коричневые башмаки спрыгнули с подножки омнибуса на Королевском мосту, пересекли проезжую часть и остановились у витрины книжной лавки Оноре Шампюна в доме номер 9 по набережной Вольтера. Это был удобный наблюдательный пункт – владельцу башмаков предстояло удостовериться, что объект на месте. И тот оказался на месте – рассыпался

---

¹⁴ Медон – юго-западный пригород Парижа. – Примеч. пер.

¹⁵ Макадам – щебеночное покрытие. – Примеч. пер.

¹⁶ Жорж Шарпантье (1846–1905) – издатель писателей-натуралистов Золя, Флобера, Мопассана, Доде, братьев Гонкур, Гюисманса и пр. – Примеч. авт.

в любезностях перед очередным покупателем. Этот книготорговец жил как по нотам: приходил на работу рано, возвращался домой на закате и ни разу не отклонился от привычного маршрута и расписания. Некоторые стадные животные с тем же постоянством в один и тот же час идут на водопой и рано или поздно таким образом попадают в пасть хищнику.

Руки в перчатках запахнули поплотнее полы плаща, и коричневые башмаки направились к выстроившимся у обочины фиакрам. На облучках кучеры в навощенных цилиндрах поджидали пассажиров...

На двери книжной лавки «Эльзевир» зазвенел колокольчик, и Жозеф, незамедлительно приняв скорбный вид, поплелся от этажерки к прилавку. Вошедший Виктор выложил перед коллегой здоровенный рулон оберточной бумаги и поинтересовался:

– Уже что-нибудь продали?

– Нет. Я очень страдаю, – сообщил Жозеф.

– Настоящее горе безмолвно¹⁷.

– Ага, смейтесь, это ж не вам отрежут палец по случаю гангрены!

– Так загляните к Мелии – она вас подлатает. А потом отправляйтесь домой зализывать раны.

– Премного благодарен. К Мелии загляну непременно, домой отправиться и не подумаю.

– У нас тут маленькая неурядица. Поговорим, когда вернетесь от Мелии.

– Ну что там еще случилось? – сердито пробормотал Жозеф себе под нос, поднимаясь по винтовой лестнице на жилой этаж.

На кухне женщина средних лет с увядшим лицом и сединой в волосах готовила говяжье рагу под белым соусом.

– Elle me pigougne, cette baluche, es béstia a païar patentá¹⁸, – ворчала она. Речь, конечно, шла о ее заклятой врагине Эфросинье Пиньо, которая, после того как Кэндзи Мори и Джина Херсон уехали отдыхать в Лондон, заставила Мелию каждый день готовить обед для Виктора и Жозефа.

Молодой человек без лишних слов сунул лимузенке под нос замотанный платком палец. Та фыркнула, размотала повязку и бесстрастно изучила царапину.

– Наложу вам мазь собственного изготовления: вазелин, мед и листья подорожника. Через три дня и следа не останется.

– Ай-яй! Щипет ваше зелье! Вы уверены, что оно поможет? Ай!

– Ну потерпите чуть-чуть. Qui chanta, son mal espanta!

– И что это значит?

– «Песенку спой – боль снимет как рукой!» Спойте что-нибудь, месье Пиньо.

– И что же мне спеть?

– Первое, что придет в голову. Вот увидите: запоете, и болеть перестанет.

Жозеф откашлялся и затынул:

Проснитесь, пикардийцы!

Вставайте, бургиньонцы!

Глядите – светит солнце.

Весна – пора войны!

Врагу задайте жару,

Покройте себя славой.

---

¹⁷ Крылатая фраза Ламартина. – *Примеч. пер.*

¹⁸ Как же меня допекла эта дурында, вот ведь глупая гусыня (лимузенский диалект). – *Примеч. авт.*

Бургундцы, пикардийцы,
Вас ждем с победой мы!¹⁹

– Ишь ты... – восхитилась Мелия. – А почему вы выбрали такую воинственную балладу?

– Потому что тот, кто захочет еще раз сделать мне больно, получит в глаз! – выпалил Жозеф, уже убегая на первый этаж. – Ну, Виктор, что у нас за неурядица?

– Я заметил пропажу. Вот тут, на полке, видите, пустое место? Между «Большим кулинарным словарем» Александра Дюма и «Физиологией вкуса» Брийа-Саварена не хватает одной книги.

– Какой? – спросил Жозеф, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

– «Трактат о конфитюрах» тысяча семьсот пятьдесят пятого года. Первое издание, автор неизвестен. Тоненькая книжица, всего-то страниц пятнадцать, но стоит целого состояния. Вы ее никому не показывали?

– Нет-нет. У нас же как? Люди бродят по всей лавке, часами тут ошиваются, садятся, читают, в итоге не покупают ничего и, довольные, убираются восвояси. Чья это была блестящая идея поставить в торговом зале стол и стулья, а? Да еще телефон без умолку трезвонит, я уже упарился туда-сюда носиться, мечусь как проклятый, невозможно же за всеми уследить...

Жозеф замолчал и отвел взгляд. У него не хватило духу признаться, что на прошлой неделе он одолжил «Трактат» родной матушке. Эфросинья неожиданно увлеклась конфитюрами, и сын не смог отказать ей в просьбе. «Заберу книжку, тихонько верну на место, а Виктору скажу, что просто переставил ее случайно и забыл куда», – решил он.

– Не переживайте, Жозеф. Если «Трактат» украли, вор поспешит от него избавиться. Подежурите тут без меня до полудня? Я предупрежу нашего коллегу с улицы Понтуа.

– Специалиста по кулинарным книгам? Нет необходимости. Найду я вам этот «Трактат» – наверняка же кто-нибудь взял его полистать, а потом засунул не на ту полку. Или его стащил какой-нибудь коллекционер. Тогда пиши пропало, можете хоть всех специалистов обежать – и следов не найдете...

– Жозеф, что бы вы ни думали, я не ищу предлога увильнуть от работы. Книгу нужно найти во что бы то ни стало, иначе Кэндзи из нас обоих сделает конфитюр. Так как вы себя чувствуете? Продержитесь тут без меня совсем чуть-чуть? Я быстро!

---

¹⁹ Песня XV века. – Примеч. авт.

Глава третья

Воскресенье, 9 января

- День добрый, месье Легри.
- Приветствую вас, Альфонс. Переезжаете?

Высокий худой мужчина с пышными усами и бритым подбородком, облаченный в полосатый саржевый костюм, наблюдал за погрузкой вещей на телегу. Не успели соседи обменяться приветствиями, как на Виктора, проворно перебежав двор, набросилась мадам Баллю, вцепилась в рукав. Нынче консьержка дома 18-бис щеголяла в длинной холщовой блузе и галошах.

– О да, месье Легри, представьте себе: кузен Альфонс нас покидает, и не могу сказать, что скорблю по этому поводу! Уж понятное дело, что не этот дамский угодник тут стиркой, глажкой да готовкой для себя занимается. До сорока лет дожил, ума не нажил! Ну теперь-то у меня хоть свободное время появится. Этот дылда наконец-то возвращается бить баклуши в семейный пансион вдовы Симонэ на улице Виоле. Один из ее постояльцев, месье Фендорж, подыскал ему непыльную работенку. А я и довольна: займу снова мансарду на шестом этаже, которую вы так любезно мне уступили. Эй ты, бездельник, хватит уже там прохлаждаться, пока другие работают, вынеси-ка мусор мне, да поживее!

Альфонс Баллю повиновался, пробурчав Виктору:

- Видали? Это ж не баба, а генерал-полковник целый!

Виктор обогнул Школу изящных искусств и улыбнулся статуе Вольтера, закутанного на испанский манер в плащ (впрочем, с таким же успехом это мог быть домашний халат или римская тога).

- Какая встреча, мсье Легри! – грянул трубный глас.

На другой стороне площади Института Виктор увидел знакомую женскую фигуру впечатляющих габаритов: бесчисленные юбки и фуфайки делали ее еще внушительнее, соломенные волосы были собраны на макушке в замысловатую прическу. Ангела Фруэн зарабатывала на жизнь починкой тюфяков и матрасов неподалеку от моста Карузель и воспитывала троих детей – все семейство ютилось в крошечной квартирке на цокольном этаже дома по улице Ирландэ. Угрожающая внешность борчихи возмещалась в ней извечной приветливостью и услужливостью. Виктор помахал ей в ответ рукой и понаблюдал, как Ангела ловко катит перед собой раму на двух колесах, которая служила чесальнице для перевозки тюфяков, требующих набивки и штопки. Она остановилась поболтать с торговцем древними монетами, и Виктора вдруг осенило: нужно запечатлеть на снимках обитателей набережных – вот тема, не менее достойная, чем уходящий мир ярмарочных артистов, которому он посвятил весь прошлый год. В городе полторы с лишним сотни букинистов, большинство из них оккупировали левый берег Сены, от набережной Сен-Бернар до набережной Орсе, а сколько еще мелких ремесленников можно встретить у реки...

Виктор никогда не признался бы самому себе в том, что этот фотографический проект сулит ему возможность достичь двух творческих целей, очень близких Таша: воплотить в образах собственные мечты и вдохновить чужие.

Набережная Вольтера постепенно оживала. Откуда ни возьмись, как черт из табакерки, появилась мадам Северина Бомон, закутанная в три вязаные шали, резвая дамочка лет шестидесяти, тощая и нескладная, как коза. На руках она носила митенки – чтобы удобнее

было вязать нескончаемый шарф. Устроившись на складном стуле, обложившись клубками шерсти и приступив к любимому занятию, мадам Бомон то и дело оценивающе поглядывала на прохожих в надежде, что их соблазнят ее многочисленные сонники, «Язык цветов», «Наперсники любви», «Дамский и девичий оракул» или «Кулинарная книга горожанки».

Долговязый седеющий гражданин перегнулся через парапет, предварительно накинув на него платок, чтобы не запачкать черный бархатный костюм. Гражданина интересовали влюбленные парочки, которым холод ничуть не мешал любезничать и обжиматься у кромки воды в полной уверенности, что их никто не видит. Фюльбер Ботье, отвлекшись от своих нумерованных изданий, пергаменов, гримуаров и автографов – он нежно поглаживал переплеты и перекалывал листы у себя на стойке, – брезгливо поморщился при виде вуайера и принялся разглядывать его ботинки, зависшие в пятидесяти сантиметрах над тротуаром. Жорж Муазан в отличие от него с гражданином не церемонился – подошел, похлопал по плечу и указал на полицейского, замерзавшего на противоположном тротуаре. Гражданин поспешно слез с парапета, засунул платок в карман и обратился в бегство, освищенный Вонючкой, Фердинаном Пителем, Гаэтаном Ларю и Ангелой Фруэн.

– Какая гадость! – подвела итог Ангела.

– Ничего, теперь эта свинья не скоро вернется, у меня все записано, – заявил Жорж Муазан, помахав перед носом коллег зеленым блокнотом.

– Кстати, а что это вы днями напролет строчите в своей книжице? – полюбопытствовала Ангела.

– Не строчу, а веду подробнейшую хронику событий, милочка. Здесь зафиксировано все: погода, мои продажи, часы прибытия и ухода коллег и покупателей. Вот вы, к примеру, бродите тут уже уйму времени. Вам, что ли, работать нынче не надо? А вам, господин обрезчик сучьев? Да и вы, уважаемый сапожник, совсем позабыли о своих клиентах.

– Мои клиенты подождут, – пожал плечами Фердинан Питель.

– Ах, понятно, месье Муазан! Вы собираете материал для мемуаров! – воскликнул Люка Лефлоик. – А я-то думал, что вы составляете железнодорожный справочник.

– Да он же зловреднее фликов! – возмутился Гаэтан Ларю. – Вы подумайте: работаю я на сносе Счетной палаты – на ее месте, кстати, будут строить вокзал, – обрезаю сучьев сколько надо, дневную норму выполняю – и свободен, и никому не обязан отчитываться о своих перемещениях! А вы, стало быть, шпионите!

– Как вы полагаете, что у нас под ногами? – осведомился Жорж Муазан, пропустив упрек мимо ушей.

– Земля, что ж еще?

– Видите трещину сантиметров двух шириной посередине этой плиты? Так вот, перед вами вход в убежище крысы. А знаете, сколько у нее там детенышей? Семь! И я намерен разобраться с этими паразитами. Пара капель стрихнина – и прощай, любовь, прощай, жизнь!

– Что за гнусность! – выпалила Ангела Фруэн. – Вы отвратительны! Не трогайте бедных зверюшек, они никому вреда не причиняют!

– А чума? Вы об этом подумали?

– Сами вы чума! – вмешался Гаэтан Ларю. – Вот уж я тоже вам не позволю травить ядом несчастных животных, убийца! Только попробуйте – уши отчикаю садовыми ножницами, благо навык есть! Когда Счетную палату рушили, уж я насмотрелся, как оттуда изгоняют сотни невинных божьих тварей – кошек, куниц, кроликов, ужей. Я даже лису там видел!

Тем временем Люка Лефлоик на зависть соседям продал две гравюры благочестивого содержания. Гаэтан Ларю покосился на Фюльбера Ботье, снова взявшегося наводить порядок на своей стойке (там и так все было идеально, но Фюльберу, раздосадованному тем, что

торговля совсем не идет, требовалось какое-нибудь успокаивающее занятие), и возвел очи горе:

– А вы всё книжки переставляете! У вас невроз, что ли?

– Я сортирую заказы, – буркнул отчаявшийся букинист. Нарастающее раздражение мог унять только стакан грога. Но прежде чем отправиться в кафе, он подергал за рукав Жоржа Муазана, который увлеченно вертел в пальцах перо – предмет не менее дорогой его сердцу, чем зеленый блокнот. – Когда вы уже наконец найдете то, о чем я просил? Когда рак на горе свистнет? Дело, знаете ли, срочное, а вы меня уже давно кормите обещаниями.

– Я ищу, дружище, ищу. И найду непременно. Оставлю у Леффлоика по дороге на вокзал, а с вами потом рассчитаемся. Один нотариус из Кана связался со мной и сказал, что мне отписана целая библиотека по завещанию. Жуткое везение! Я уезжаю завтра утром. Вернусь, наверное, на следующей неделе.

– Что ж, вам стоит поторопиться, потому что терпение мое не безгранично... Да перестаньте вы шамкать и причмокивать – это отвратительно!

– Я себе клык сломал. Дантист выдернул корень и поставил искусственный зуб на штифте, а он шатается – ужасно неприятно.

– Что за дантист? У меня кариес.

– Доктор Извергс. Принимает на улице Ренн, дом пятнадцать. Только сомневаюсь, что он станет возиться с вашими зубами. На вашем месте я бы сразу обзавелся вставной челюстью!

Они говорили слишком громко, как всегда, – Вонючка, Гаэтан Ларю, Фердинан Питель и Ангела Фруэн не упустили ни единого слова из этой перепалки.

– Я отлучусь ненадолго – извольте присмотреть одним глазком за моей стойкой, – бросил разъяренный Фюльбер Ботье Жоржу Муазану.

– Куда это вы намылились?

– Куда короли пешком ходят!

– Так уж и быть – одним присмотрю, но чтобы в оба глядеть – ни-ни! – рявкнул Жорж Муазан в спину Фюльберу – тот уже пробирался между фиакрами к кафе «Фрегат».

– Ну, дождя можно ожидать не раньше чем через два дня, зуб даю, – сообщил Люка Леффлоик, приложив руку козырьком ко лбу и вглядываясь в горизонт.

– С вами, конечно, хорошо, но у меня два матраса требуют починки, а все мои товарки уже за работой, – вздохнула Ангела Фруэн. – Что за жизнь – встаю ни свет ни заря, из-за того что детишкам нужен завтрак готовить, да и от улицы Ирландэ сюда путь неблизкий.

Под мостом чесальщицы уже вовсю набивали тюфяки водорослями и кресла конским волосом, но основная их работа заключалась в том, чтобы приводить в порядок старые матрасы. Сейчас одна из них откопала в слежавшейся шерсти набивки мужскую рубашку, и женщины, хохоча и побросав орудия труда, развлекались, обряжая в нее воображаемого щеголя.

Ангела схватилась за рукоятки своей импровизированной тележки.

– Салют честной компании. Кто со мной?

Жорж Муазан демонстративно отвернулся и принялся, покачивая драгоценным пером, обозревать ряды книг на своих полках. Ангела недобро на него покосилась:

– Этот паршивец считает себя важнющим барином! Понадергал себе перьев из петушиных хвостов и таким же петухом разгуливает!.. Ну вот, вспомнила некстати своего муженька-мерзавца. Знаете, как он с крысами расправлялся? Головы им отрубал сапожным резаком!

– Он у вас, что ли, сабо мастрячил? – уточнил Фердинан Питель.

– Точно. Вы же в этом понимаете, да? Негодяй бросил нас полгода назад, этот резак – все, что нам с малышами от него осталось. Далеко мы пойдем с таким-то богатым наследством.

Ангела направилась к лестнице, ведущей на берег, и Гаэтан помог ей спустить тележку по ступенькам. Он хорохорился и делал вид, что никуда не торопится, но на самом деле опасался взбучки от начальства за опоздание на строительную площадку, разбитую на месте снесенной Счетной палаты.

– А известно ли вам, что в начале улицы Бак некогда стояла казарма серых мушкетеров? Наш «Фрегат» увековечил память о самом что ни на есть настоящем фрегате, который был в давние времена пришвартован у Королевского моста и служил водолечебницей. Потом он сгорел, остов отогнали к набережной Жавель, а после и вовсе распилили. Да-да, любезный месье, тут кругом сплошь исторические достопримечательности! – просвещал владделец заведения какого-то англичанина в клетчатом костюме.

Фюльбер, пристроившись у витрины, откуда удобно было наблюдать за происходящим на набережной, поморщился: только что в кафе «Фрегат» заявился Фердинан Питель и нарушил его уединение.

– А это тоже историческая достопримечательность? – Сапожник насмешливо кивнул в сторону невероятно толстой женщины в красном фартуке. Она протискивалась между столиками с подносом.

– Что закажете, месье Ботье? – осведомился хозяин кафе, подошедший к ним.

– Горячий чай с ломтиком лимона. И добавьте туда много-много рома.

– А вы чего изволите, месье Вольтер? Да-да, вы на него ужасно похожи – его всегда изображают древним старикашкой, но у вас в точности такая же шустрая любопытная мордаха. Я ненароком услышал, как вы отозвались о моей жене, и должен заметить: не стоит смеяться над чужой внешностью. На вашем месте я бы побеспокоился о своей собственной. При таком хилом телосложении примете эдак ненароком на пустой желудок капельку красного винца – и пиши пропало. Видал я, как вы нынче утром на набережной в обморок грохнулись. Может, вам крепкого кофе подать?

– Подайте, – буркнул Фердинан Питель. – И извиняюсь за шутку – глупо, конечно, было с моей стороны.

Вскоре перед Фюльбером Ботье уже стоял исходящий паром стакан. Фюльбер с наслаждением понюхал прог.

– У меня невралгия, а это отличное лекарство, – объяснил он сапожнику.

Потягивая напиток, букинист не спускал глаз с коллег на набережной. Лефлоик ухитрился продать еще одну гравюру и сейчас с важной миной заворачивал ее в полосу литературного журнала «Жиль Блаз». Несколько прохожих столпились у стойки Муазана.

– А она тут что делает?! – вдруг воскликнул Фердинан Питель.

– Кто? – Фюльбер Ботье отодвинул подальше занавеску. На противоположном тротуаре с Жоржем Муазаном беседовала светловолосая женщина. – Хороша! – оценил он. – Одалиска, сбежавшая с полотен Энгра и Делакруа.

– Э, полегче! – возмутился Фердинан. – Это ж моя тетушка!

– А что я такого сказал? Энгр и Делакруа – великие художники. Ваша тетушка увлекается охотой?

– Вот это вряд ли. Задерните занавеску, не хочу, чтобы тетушка меня заметила. Имейте в виду, месье Фюльбер: мужчины ее не слишком интересуют. Впрочем, все женщины такие – им дела до нас нет.

– Странное у вас мнение о слабом поле, – хмыкнул букинист. – Я-то думал, вам достаточно свистнуть – и любая красotka упадет в ваши объятия... Ну полно, полно, не хмурьтесь, я просто вас подначиваю. Однако согласитесь: без женщин нам, мужчинам, в этом мире и делать было бы нечего... О, ваша тетушка уходит, вы спасены... Черт! Вот и у Муазана первая прибыль, если так пойдет и дальше, мне останется только чмокнуть старушку в зад!

– О, месье Ботье, как вам не стыдно! – возмутилась проходившая мимо толстуха, жена хозяина.

– Ничуть не стыдно, мадам Аглая, это всего лишь профессиональный жаргон: на языке букинистов «чмокнуть старушку в зад» означает, что не удастся выручить за день ни гроша... Нет, вы только посмотрите! Этот гнусный Муазан еще хвастается всем своей удачей! Вон, записывает в дурацкий блокнот, что сбыл с рук какую-то ерунду, и всем в нос этим блокнотом тыкает. Можно подумать, он огреб целое состояние!.. Ха, беда не ходит одна – глядите, еще и эта буланжистка²⁰ заявилась!

– И верно, Филомена, в затянувшемся девичестве Лакарель! – прищурилась толстуха, всматриваясь через витрину. – Не то занятие себе в жизни выбрала. Ей бы в «Ла Скала» или в «Батаклан»²¹ петь!

– Что верно, то верно. Ужасная зануда! Все уши нам прожужжала этим своим «Возвращением с парада»²², – поддакнул Фюльбер. – Совсем помешалась на генерале Буланже, мир его праху. Впрочем, мне грех жаловаться – эта клиентка меня порой спасает от безденежья, – признал он. – Черт побери, ущипните меня – я сплю и вижу кошмарный сон: она покупает книгу у Муазана! Глядите, глядите, этот негодяй аж приплясывает от радости! А она-то, она – даже не остановилась у моих ящичков!.. Всё, ушла... Ой, караул, Муазан идет сюда!

Жорж Муазан вошел в кафе, одарил мадам Аглаю довольной улыбкой и направился напрямик к соседу по набережной.

– Ваше отсутствие пошло мне на руку – я продал кучу «кирпичей» по двадцать су. Так что теперь при деньгах, но ужасно продрог, и еще мне нужно удовлетворить естественные потребности. Вас не затруднит вернуться на рабочее место и присмотреть за хозяйством?

С этими словами Муазан устремился в глубь кафе, к уборной.

– Я его когда-нибудь удавлю! – процедил сквозь зубы Фюльбер, поднимаясь из-за столика.

– Уходите? Я с вами! Еще не надышался воздухом свободы! – вскочил вслед за ним Фердинан Питель.

– Увы, дышите без меня – я сворачиваюсь на сегодня. Похоже, клиентура решила меня разорить.

– Но ведь всего-то два часа...

– Тем более нечего мне тут делать. Нужно еще рассортировать издания на складе.

Едва за букинистом закрылась дверь кафе, из уборной появился еще более довольный Жорж Муазан:

– Что-то Фюльбер нынче не в духе. Уж не завидует ли он моей сегодняшней удаче?

Сапожник пожал плечами, расплатился с хозяином заведения и ушел, не попрощавшись.

Мглистый вечер воцарился на набережных, выгнал из-под мостов чесальщиц с их тюфяками-матрасами. Вдоль кромки воды в полном молчании пробиралась ватага клошаров, выискивая местечко поуютнее для ночлега. Несколько влюбленных парочек еще миловались на берегу, таясь от любопытных взоров, да собачий парикмахер пока не закончил стрижку последнего клиента-пуделя. Букинисты сворачивали торговлю. Люка Лефлоик рас-

---

²⁰ Жорж Буланже (1837–1891) – французский генерал и военный министр, предводитель антиреспубликанского движения. – *Примеч. пер.*

²¹ «Ла Скала» и «Батаклан» – знаменитые в XIX в. парижские мюзик-холлы; открыты соответственно в 1874-м и 1864 гг. – *Примеч. пер.*

²² Песня Л.-С. Дезорма на стихи Л. Делормеля и Л. Гарнье о том, как семья буржуа посетила военный парад 14 июля в Лоншане, восхваляя генерала Буланже и французскую армию. Впервые исполнена в 1886 г. в мюзик-холле «Ла Скала» в Париже. – *Примеч. пер.*

кланялся с Гаэтаном Ларю, который отправлялся домой, на площадь Каира, и сам уже собрался вернуться в скромную квартирку на Монмартре рядом с парком omnibusов.

– Вот вы всегда в курсе новостей. Не слышали, что там с нашим переселением на правый берег? По-прежнему идут разговоры? – остановил Гаэтана Жорж Муазан.

– Я с тутошними подрядчиками не то чтобы накоротке. А вот про своих знаю: деревья, спиленные вокруг Счетной палаты, выставлены на продажу. Их, между прочим, сто сорок девять – это три десятка кубических метров древесины! Неплохо кто-то наживется, а? Сейчас все работы пойдут со свистом – вокзал на этих руинах нужно достроить ко Всемирной выставке тысяча девятисотого года. – И, оставив двух букинистов в неизвестности, обрезчик сучьев растворился в тумане.

Жорж Муазан и Люка Лефлоик обреченно вздохнули, закрыли и заперли стойки, на том и распрощались.

Специалист по охоте свернул на извилистую улицу Бак. Он любил пройтись тут в поздние часы, когда торговцы зажигают огни и витрины лавочек приветливо светятся в темноте. Один антикварный магазинчик всегда привлекал его особое внимание – если сегодняшнее везение не закончится и сладится еще одно дельце, вскоре он определенно сможет позволить себе прикупить восхитительный палисандровый шкаф, о котором давно мечтает. Постояв у витрины, Жорж Муазан отправился дальше, не заметив, что следом за ним устремилась тень в коричневых башмаках.

А все-таки ловко он заморочил голову этому олуху Фюльберу Ботьё! Если олух думает, что его просьба будет выполнена, он сильно ошибается. Неделя в отлучке по делу о библиотеке – а по возвращении можно будет сделать вид, что запамятовал о своем обещании.

С такими мыслями Жорж Муазан равнодушно, как всегда, миновал церковь Святого Фомы Аквинского, свернул налево и направился к бульвару Сен-Жермен, по которому, увязнув в гомонящей суетливой толпе парижан, медленно ползли omnibusы, брички и прочие транспортные средства. Высокие здания сияли витринами дорогих магазинов, перед ними выстроились киоски, обклеенные рекламными афишами. Террасы кафе холодным вечером мало кого соблазнили – лишь кое-где за бокалом вермута под тентами сидели люди в шубах и пальто с меховыми воротниками.

Ливень – снег вперемешку с дождем – располосовал ореолы фонарного света. Бульвар переливался огнями. Горящие свечи, керосинки, газовые и редкие электрические лампы сияли в окнах. Трамвай заскрежетал по мокрым рельсам, на мгновение нацелив красный глаз на букиниста. Жорж Муазан подкрутил ус, покосившись на красотку, которая спешила домой, поскорее укрыться от непогоды, и зашагал к улице Ренн. Рядом с домом на углу бульвара Сен-Жермен высился монументальный портал, оседланный огромным бронзовым драконом, – все, что осталось от особняка, некогда стоявшего напротив улицы Святой Маргариты, переименованной позднее в улицу Гозлен. По легенде, святая в свое время укротила крылатое чудовище, наострившееся ею пообедать. Через портал можно было попасть в тесный проход между бакалеей и винной лавкой; он выводил на двор, который окружали ветхие домишки, украшенные средневековыми скульптурами; на скульптурах гирляндами разлегся снег, и не думавший таять. Прямого пути с улицы Ренн сюда не было, и хотя этот заброшенный уголок принадлежал ей, он разительно дисгармонировал с массивными зданиями, оборудованными всеми удобствами современной цивилизации.

Здесь, на отшибе, было царство жестянщиков, слесарей и лудильщиков. На замшелой брусчатке стояли их лавочки; темные лестницы вели в жилые помещения; на ступеньках притулились горшки с цветами, побитыми морозом. Под нишей с образом Святой Девы несколько старух в вязаных фуфайках штопали носки. Одна из них попыталась всучить Муазану пучок сельдерея – он оттолкнул ее руку ладонью. Дождь усилился, женщины разбре-

лись по домам. Оставшись в одиночестве, Жорж Муазан направился к кривой лачуге, на двери которой висело объявление:

Сдаем комнаты
горничным и поденщицам
в квартире № 3

Первый этаж занимала скобяная лавка, чей владелец был потомком тех, у кого в 1830 году восставшие закупились кирками и железными прутьями, чтобы вступить в бой с монархией²³. Вокруг не было ни души, колыхалась пелена дождя, скрадывающая городской шум и сгущающая подступающую ночную тьму.

Муазану оставалось пройти дюжину метров, когда он услышал за спиной поскрипывание. Букинист замер, прислушиваясь, двинулся дальше и уже собирался переступить порог подъезда, когда поскрипывание возобновилось. Он резко обернулся, различил краем глаза скользнувшую по двору тень и оцепенел от страха.

– Кто здесь?

Прошелестели шаги.

– Ах, это вы! – с облегчением выдохнул Муазан. – Как вы меня напугали!

– Это я. Он отдал ее тебе?

– Кто? Что? Простите?..

– Ты прекрасно понял, о чем я, дружище. Он тебе ее отдал, твой поставщик, тот самый, который недавно сыграл в ящик?

– Ничего не понимаю... Что за ящик? Какой поставщик?

– Состен Ларше. Живодер с улицы Гранж-Бательер – это прозвище тебе о чем-нибудь говорит? Так вот, он дуба врезал. Сдох.

– Ларше умер? Вы шутите?

– Ты что, газет не читаешь? Подумать только, ведь она была почти что у меня в руках, еще немного, и... Уж я-то знаю, как ею воспользоваться...

– Да о чем вы толкуете, в конце концов? Кто – она?

– Стало быть, хочешь услышать, как я назову вещи своими именами? Не кто, а что. Тоненькая рукописная книжица – велень и тряпичная бумага, красно-голубой мраморированный переплет. Я знаю, что она у тебя: Ларше перед смертью кое-что выболтал.

– Что выболтал?

– Твое имя, дурень! Память-то напряги. За неделю до дня святого Сильвестра ты явился к Ларше и захапал то, что должно принадлежать мне.

– Ничего я не захапал! Я купил у него стопку гравюр с охотничьими сюжетами и старые документы, завернул все это не глядя...

– Ну конечно! Я давно за тобой слежу. Мне даже удалось перетряхнуть всю твою макулатуру на набережной – там нет того, что мне нужно. Ты, часом, не продал ее той жирной корове?

– Макулатуру? Какой корове?

– Как мило! Может, хватит валять дурака? Ты продал книгу сумасшедшей корове с улицы Пьера Леско. Не делай вид, что не знаешь ее – она вечно пасется у твоей стойки.

– Уверю, вы ошибаетесь...

– Лжец! Довольно отпираться – ведь продал? Тебя же ничего, кроме прибыли, не волнует, верно?

Старая торговка овощами, обитательница квартиры на первом этаже, не упустила ни слова из этого разговора. И ровным счетом ничего не поняла. Ей очень хотелось послушать

---

²³ Имеются в виду события Июльской революции 1830 г., закончившейся переходом власти от Бурбонов к Орлеанскому дому и установлением либерального режима. – *Примеч. пер.*

и дальше, чтобы разобраться в деле, но тут как раз кот потребовал ужин, и старухе пришлось покинуть сторожевой пост за полосатой занавеской.

Именно в этот момент заостренный металлический прут вонзился в грудь Жоржа Муазана и прошел насквозь. На лице букиниста отразилось изумление, он пошатнулся, упал и больше не двигался.

Прут резким движением выдернули из трупа, вытерли платком и бросили на груды металлолома – туда, откуда его и позаимствовали чуть раньше. Две руки проворно ощупали одежду убитого, вытащили из его карманов связку ключей, бумажник и блокнот, затем ухватили труп под мышки и поволокли к подъезду. С нескольких попыток был подобран нужный ключ, замок щелкнул, тело Жоржа Муазана исчезло в глубине квартиры, и дверь захлопнулась.

Когда старуха вернулась к наблюдательному пункту у окна, двор был пуст. Кот невозмутимо дожевывал ужин.

Глава четвертая

Ночь с 9-го на 10 января

Покинуть квартиру Муазана сразу не получилось – пришлось дожидаться, пока старуха наговорится с котом и закроет ставни. Обыск в жилище букиниста ничего не дал: книги, в основном посвященные охоте, гравюры, несколько нотариальных документов времен Первой империи...

Отблески пламени свечей плясали на зеленом блокноте, связке ключей и бумажнике, разложенных на каминном колпаке. В бумажнике нашлись разрешение на букинистическую торговлю на набережной Вольтера, счет за квартиру, фотография – трое мужчин и две женщины за столиком на террасе кафе «Фрегат», – железнодорожный билет до Кана в вагон третьего класса.

Зеленый блокнот оказался новеньким – исписаны были только первые три страницы:

26 декабря 1897 г. Был у этого пройдохи Ларше. Выгодная сделка: за девяносто франков приобрел миленький манускрипт (велень и тряпичная бумага, четыре листа можно датировать XVI веком) – для моей постоянной клиентки, а также – редкостная удача – две раскрашенные вручную гравюры из «Естественной истории обезьян и лемурув» Жан-Батиста Одебера. Определенно Живодер в этом ни черта не смыслит. Остальное – дешевка, можно сбыть Вонючке.

6 января 1898 г. Мадам Лакарель явилась на встречу вовремя. Никаких затруднений с продажей манускрипта – рассчиталась на месте и сполна. Еще продал г-ну Лебо гравюры из Обера. В итоге не просто вернул свое за все купленное у Ларше, но и получил прибыль сорок пять франков. Холод страшный. Ночью и вовсе мороз трещал. Сегодня с трудом отпер обледеневшие замки.

8 января. На набережной суматоха – у нас появился новичок. Нужно удвоить бдительность: он бывший флик. Завтра уезжаю в Кан, пробуду там четыре-пять дней. Ботье и Лефлоик обзавидовались. Фюльбер донимает меня требованием достать ему ту диковинку – ничего, пусть помучается, так ему и надо. А Ангела Фруэн пусть лучше свои матрасы штопает. Несколько дней без коллег-соседей и прочих бездельников – это счастье! По возвращении займусь истреблением крыс.

Нужны были неопровержимые доказательства – и вот пожалуйста, на серебряном блюде с золотой каемкой! Как просто все оказалось... Если намеки, разбросанные в этом дневнике, не обманут, драгоценный манускрипт скоро выдаст свою тайну.

«За дело. Спрятать труп Муазана... Раньше чем через неделю его никто не хватится... Надобно хорошо продумать тактику... Они у меня все еще попляшут!»

Понедельник, 10 января

Филомена Лакарель без усталости благодарила Провидение за ниспосланный два года назад ее кузену Антуану удар. У бездетного вдовца не было других наследников – все досталось ей. Заслуженное вознаграждение за десятилетия скорбного труда, когда Филомена зарабатывала на жизнь, прибираясь в квартирах нечистоплотных, но состоятельных горожан. Продажа недвижимости кузена обеспечила ей возможность обзавестись скромным особнячком в центре Парижа и потворствовать своим увлечениям, в числе которых были карточные игры, конфитюры и генерал Буланже. После уплаты долгов покойного кузена у Филомены из его имущества осталась целая груда букинистического мусора: распотрошенные книги, гравюры, побитые молью тряпичные переплеты. Все это ей удалось сбыть книготорговцам и библиофилам. В итоге бывшая домработница в свои пятьдесят семь лет наконец-то зажила так, как ей всегда мечталось: теперь она могла беспечно проводить дни, сплетничая за рюмочкой настойки с подружками на Центральном рынке, слоняясь по набережным Сены в поисках новых рецептов конфитюров у букинистов или редких документов и статей, касающихся ее кумира, генерала Буланже. А два раза в месяц она сражалась в карты с неким торговцем канцелярией вразнос по прозвищу Амадей.

Когда погода благоприятствовала, Филомена часами болтала с Севериной Бомон, букинисткой, на набережной Вольтера. Сидя на складных стульчиках, две товарки, разделявшие одни и те же увлечения, дружно высмеивали Бони де Кастеллана²⁴, нынешнего любимчика всей дамской половины общества, и оплакивали кончину генерала Буланже, совершившего самоубийство на могиле своей любовницы в Икселе в 1891 году. Как можно было не позволить этому герою спасти Францию?!

Филомена вставала в пять утра – это было ее неизблемое правило еще с трудовых времен. Быстренько умывшись и пройдясь расческой по седеющим волосам, сегодня она облачилась в любимое драповое платье цвета лаванды. От корсета Филомена давно отказалась – в нем невозможно было дышать. Но она же не виновата, что с возрастом ее пышные формы сделались только пышнее... Надев лакированные кожаные галоши с побитыми задниками и мысками, толстуха внимательно изучила свое отражение в зеркале. Забавное сочетание: элегантный наряд и выдавшие виды галоши. Но тут уж ничего не поделаешь – отекавшие ноги Филомены предпочитали удобную, разношенную обувь.

«Я похожа на бочку. Ба! Что за печаль? Главное – это бодрость духа, воля к жизни и стойкость перед лицом превратностей судьбы!»

Филомена засыпала в кормушки попугаев зерно, купленное в прошлое воскресенье на птичьем рынке, и устремилась на кухню. В доме было холодно, приходилось постоянно топить печку, и сейчас, накормленная несколькими лопатками угля, она весело затрещала огнем. Дальше надо было помолоть кофе и поставить на плиту кастрюльку с водой. Пока вода закипала, Филомена принесла из спальни «Малый оракул, дамский наперсник» – издание расширенное и дополненное, раздобытое накануне у Северины Бомон, – и открыла его на странице с вопросами:

Скоро ли я выйду замуж?
Будет ли мой муженек красавцем?
Должна ли я дать ему... то, что он хочет?
Кто из нас умрет первым?

²⁴ Мари Эрнест Поль Бонифас, граф де Кастеллан-Новжан (1867–1932) – французский политический деятель и признанный денди. – *Примеч. пер.*

Кончиком ножа она наугад ткнула в одну из букв, представленных в таблице.

«Так-так, вопрос 1, ответ S... «Ты встретишь *ego* нынче вечером!» Ах! Это же слишком скоро, я еще не готова расстаться с девичеством! Ой, вода, вода вскипела и собирается впасть в океан!»

Филомена поспешно перелила содержимое кастрюли в кофейник с молотым кофе, стоявший на лоскутной прихватке. Через несколько минут черная ароматная жидкость уже была в чашке.

«Что-то я в последние месяцы совсем забросила уборку, особенно в комнатах на этом этаже. Ужасный кавардак! Впрочем, ко мне никто не заходит, да и этот таинственный незнакомец, которого мне сулит оракул нынче вечером, вряд ли сюда заглянет. Не очень-то ты мне и сдался, красавчик, Филомена вдоволь горя нахлебалась с вашим отродьем, уж повидала таких, как ты, мужиков, хватит с меня! А на днях, ежели не передумаю, найму надомницу, благо средства позволяют. Что-то у меня поясница разламывается все время... Да уж, можно сказать, домработница разучилась делать домработу!»

Филомена фыркнула и принялась за кофе, попутно жуя тартинку и глядя на гравюру в рамке. На гравюре был изображен генерал Буланже верхом на боевом коне.

– Привет, Жорж. Ты один для меня свет в окошке, шалунишка! – бодро повторила толстуха ритуальную фразу.

Надев шерстяное пальто, шапку и шарф, Филомена Лакарель, готовая к сражению с северным ветром и ледяным дождем вперемешку со снегом, покинула домик на улице Пьера Леско.

Мнимый слепой, прозванный коллегами-попрошайками с паперти церкви Святого Евстахия «папаша Гляди-в-Оба», уже занял рабочее место на ступеньках, пристроив на коленях деревянную плочку для подаяния. Единственной защитой от ледяного ветра ему служили литр красного и большой деревянный щит с приклепанными объявлениями. Эти исписанные от руки бумажки он читал в который раз, чтобы скоротать время.

– Басонщик наймет подмастерье, разносчика заказов, подручную швею-жилетницу, обшивщиков шнуром... Требуются официант, умеющий открывать устрицы... кучер... девицы от тринадцати до пятнадцати лет помощницами в плиссировочную мастерскую, жалованье один франк за... Рабы, вот кто вам требуется, ага, бессловесные твари, которых, ежели что, можно на улицу вышвырнуть. Да здравствует вольный труд!.. Черт, бочка в галошах катится, сейчас опять начнет полоскать мне мозги своим Буланже! – Папаша Гляди-в-Оба торопливо подвинулся поближе к своим.

Филомена Лакарель тоже заинтересовалась объявлениями.

– Устрицы – фу, какая гадость, желе, только соленое. И проку от них никакого: сколько ни съешь – не наешься. Эй, папаша Гляди-в-Оба, как нынче денёк, задался с утра? – крикнула она нищему.

Тот поежился и вздохнул:

– Ох, и не спрашивайте, как мыкал горе, так и мыкаю. Все святоши – сквалыги редкостные, а благословениями я уже сыт по горло. Только ими и сыт, ага. Эх, беда-огорчение... Жалкий я, несчастный, жертва злой судьбы!

– Ничего, народ пойдет с вечерни, и воздастся вам. А пока вот кладу вам два су, припрячьте их поскорее. И не теряйте веры! Господь всем нам посылает испытания, вы только вспомните бедного генерала Буланже – он, между прочим, умер, а вы-то живехоньки.

– Да уж, повезло мне сказочно, – пробормотал папаша Гляди-в-Оба.

– Когда почувствуете, что вера вас покидает, напоите «Возвращение с парада» – это придаст вам бодрости!

Филомена вошла в церковь, под величественным сводом которой всегда чувствовала себя карлицей. Ее восхищал настенный декор этого храма, но еще больше захватывала воображение гробница Кольбера²⁵. Напротив нее Филомена и преклонила колени, напевая под нос любимую песню:

Мы идем дружно, в ряд,
В Лоншан на парад,
Каждый весел и рад,
И ликуе-е-ет...

Она от всего сердца возблагодарила Кольбера и Буланже за то, что ей предоставилась возможность списать восхитительные рецепты из «Трактата о конфитюрах», одолженного Эфросиньей Пиньо, поднялась, осенила себя крестным знаменем и направилась к клиросу поставить свечи за упокой кузена и генерала Буланже. После этого Филомена распростерлась у подножия статуи Богородицы.

– Радуйся, Мария, благодати полная...²⁶

Дальнейший текст молитвы перемешался у нее с наставлениями, почерпнутыми в рецепте по приготовлению конфитюра из кураги:

– Вымачивать несколько часов два килограмма кураги в четырех литрах воды, *благословенна Ты между женами*, перелить воду и пересыпать фрукты в котел с тремя килограммами сахара, *благословен плод чрева Твоего*, когда сироп закипит, *да придет царствие ваше*, дать остыть и переложить в горшочки, *аминь*. Прости, Пресвятая Дева, конфитюры – мой маленький грех, на ближайшей мессе непременно прочитаю «Аве» десять раз, *молись за нас, грешных...*

Коричневые башмаки обошли вокруг кропильницы. Двое прихожан в полуобморочном состоянии замерли у клироса, а на входе вокруг церковной кружки для пожертвований бродил нищий старик, притворявшийся слепым. И буланжистка тоже была здесь, в глубине храма...

Наконец Филомена выбралась на свежий воздух и вскоре окунулась в шумную суету Центрального рынка. Повозки деловито разгружались у павильонов Бальтара²⁷, внутри которых шла бесконечная пляска святого Витта: метались разносчики, катились в разных направлениях повозки, чьи владельцы торопились выстроить на них пирамиды из лука-пороя и пастернака. Морковная гора перекрыла один из проходов, послужив причиной яростной ссоры двух торговки, и те в свою очередь создали неслабый затор, побросав пустые ящики из-под овощей. Цветная капуста захрустела под копытами проходившей мимо лошади, торговки осатанело швырялись оскорблениями, и дело уже близилось к рукоприкладству. Ссорой воспользовался шустрый парнишка, чтобы стянуть цикорий, но одна из скандаливших кумушек поймала воришку на месте преступления и задала ему трепку, после чего скандалистки неожиданно для всех помирились и отправились скрепить дружбу стаканчиком вина в местном кабачке.

Филомена с трудом пробиралась среди скалистых отрогов из репы, тыквы и картошки. Она в жизни не видела моря, но ей казалось, что ее подхватила гигантская разноцветная

---

²⁵ Жан-Батист Кольбер (1619–1683) – французский государственный деятель, интендант финансов при Людовике XIV. – *Примеч. пер.*

²⁶ Начало католической молитвы к Деве Марии («Ave Maria»). – *Примеч. пер.*

²⁷ Виктор Бальтар (1805–1874) – французский архитектор. – *Примеч. пер.*

волна и качает на спине, одурманивая жаркими ароматными испарениями. Откуда-то потянуло потажем²⁸.

«Ну и сборище! – подумала Филомена. – Сдается мне, что по сравнению с этой толпой в отрешках Двор Чудес был прямо-таки благородным собранием!»

Бездомные и прочие горемыки толкались вокруг разносчиц горячего бульона – те порой проявляли милосердие и давали кому-нибудь зачерпнуть из котелков бесплатно.

Коричневые башмаки поскользнулись на промасленной бумаге, но тотчас продолжили путь по стопам упитанной дамочки. Та, покачивая пустой плетеной корзинкой, как раз протискивалась между крепостным валом лука и тыквенной стеной.

– Зелень зеленущая! Нежнейшая зелень! – надрывался огородник.

– Кресс-салат, шесть су за пучок!

– А вот кому португальских апельсинов?!

– Сыры из Бри! Они тают во рту – вы таете от удовольствия! – попытался влезть на чужую территорию бродячий молочник, но был тотчас изгнан королями фруктов и овощей.

– Ишь, глянь, Матюренша, кто пожаловал! Гостья прямиком к тебе – вон она, мадам Кро-Маньон собственной персоной! – заверещала девица в фуляровом платке с васильками, подравнивая горки черной редьки и лука-шалота.

Ее соседка, здоровенная матрона с хитрецей в глазах и носом-кнопкой, торговка сушеными фруктами, фигами, финиками, орехами и семечками, сердито пожевала губами.

– Вот уж принесла нелегкая. Опять будет рассказывать, как она нос к носу столкнулась с кроманьонским покойником в доисторической хижине, построенной для Всемирной выставки восемьдесят девятого года!²⁹ Ежели она думает, что я поверю в эту байку ни за понюшку табаку...

– Не за понюшку табаку, а за твои орехи грецкие да лесные – накупит же опять целую гору! – рассудительно заметил мальчишка в вязаной фуфайке и тотчас получил от матери подзатыльник.

– Ой, мадам Матюрен, за что вы так малыша-то? Он у вас всегда такой вежливый! – вступилась за ребенка Филомена Лакарель, как раз подошедшая к прилавку.

– Вежливый, скажете тоже! Бесенок в ангельском обличье! Чертов постреленок загонит меня в могилу раньше срока. Гастон, паршивец, не трогай кошку, блох наберешь! – набросилась было матрона опять на сына, но тотчас разулыбалась: – Чего изволите, мадам Лакарель?

– Два кило кураги... Ах да, и еще каштанов.

– Ха, уж тут полно любителей таскать каштаны из огня, каждый барыга обжулить норовит, – бросил сутенерского вида хлыщ в модном галстук, проходя мимо под ручку с проституткой, у которой было бледное лицо морфинистки.

Мадам Матюрен показала ему в спину неприличный жест:

– И всякой швали тут тоже хватает! Не ворье, так кукисты одолевают, спасу от них нет!

– Кукисты? – удивилась Филомена незнакомому слову.

– Ну да, заморские богатеи, у которых денег куры не клюют, а заняться нечем, вот они и шляются по всему миру стараниями агентства Кука. Англичашки в основном валом валят. В ушах звенит от этих их «гарден-патис», «файв-о-клоков» и «коктейлей», и кажется, что ты тут не на хлеб зарабатываешь в поте лица, а так, для местного колорита поставлена.

Когда корзина наполнилась курагой, каштанами, яблоками и тыковками, Филомена почувствовала в полной мере не только вес покупок, но и бремя прожитых лет. Идти стало тяжело, она пыхтела и задыхалась. Пришлось остановиться отдохнуть у фонтана Уоллеса, на

---

²⁸ *Потаж* – протертый суп. – *Примеч. пер.*

²⁹ См. роман «Убийство на Эйфелевой башне». – *Примеч. авт.*

котором поблескивал иней. Неподалеку местный комиссионер делился опытом с двумя фермерами, еще не получившими место на рынке; уличные девки заманивали мужчин, имевших неосторожность свернуть с Больших бульваров. Филомена поежилась от холода и немного погрелась у жаровни, стоявшей рядом с мешками, откуда шустрые воробьи таскали чечевицу. Потом понаблюдала за маневрами инспектора в штатском, обхаживавшего одну из проституток – фитюльку с овечьими глазками и ротиком-сердечком. «Должно быть, эта крошка сбежала от докучливых родственников – каких-нибудь старьевщиков или торговцев искусственными цветами, которые вынуждали ее заняться семейным делом. Нарвалась на сутенера, и вот...» – подумала Филомена.

У металлической колонны подручный мясника беседовал с лудильщиком, заблудившимся на огромном рынке.

– ... Да наплевать мне на всю эту социальную справедливость и борьбу за правое дело, – делился соображениями лудильщик. – Хочу – работаю, хочу – не работаю, такой вот жизненный выбор.

– И у меня вроде того, – кивал подручный. – Ну ее, эту мясную лавку. Продам со склада партию шнурков, которая мне в наследство от дядюшки осталась, а потом подумываю...

Филомена Лакарель с корзинкой поплелась дальше привычным маршрутом, свернула на улицу Бальтара – в проход между павильонами Центрального рынка. Переулки вокруг церкви Святого Евстахия потихоньку оживали.

– Прохладно что-то сегодня, да? – бросила она овернцу, которого и не видно было за выставленными на продажу бутылками красного вина.

– Так ведь и к лучшему, – отозвался овернец. – После теплой-то зимы весна бывает холодная.

– Что верно, то верно, – пробормотала Филомена, отпирая дверь своего дома. – Все же таки до чего мне повезло – отхватила себе эти хоромы! Благодарность моя покойному кузену не иссякнет. Спасибо тебе, кузен Антуан, что преставился! Уф, добралась наконец, спина разламывается...

Она водрузила корзинку на кухонный стол и налила себе стаканчик хереса – роскошь, о которой в прежние времена могла только мечтать.

«Ну вот и отогрелась, дома-то теплынь. Ох, я совсем без сил, но отдыхать не время – за дело, за дело!»

Филомена уселась на табурет возле печки и открыла одну из своих драгоценных поваренных книг.

«Нуте-с, с чего начнем? Конфитюр из каштанов? Так-так... Снять первую шкурку. Выварить в кипящей воде, в эмалированной кастрюле с крышкой. Снять вторую шкурку. Взвесить одинаковое количество сахара и каштанов. Добавить стручок ванили... Вот задача, ванили-то у меня нет... Так, а что с тыквой? На три килограмма хорошо очищенной тыквы добавить два с половиной килограмма сахара и стручок ванили... Определенно ваниль – главный ингредиент. Ну вот, ни дня без огорчения, придется заняться курагой».

Коричневые башмаки обошли вокруг особнячка, отделенного узким проходом от соседних зданий побольше. Единственный способ попасть внутрь, не привлекая внимания, – воспользоваться стеклорезом, чтобы открыть окно спальни, выходящее на задний двор.

Свинцово-серые тучи в небе так тесно прижались друг к другу, что в окрестностях воцарился сумрак.

Два попугая всполошенно запрыгали с жердочки на жердочку в золоченой клетке, когда мимо них по ковру неслышно прошагали коричневые башмаки.

Довольная собой Филомена без усталости помешивала деревянной лопаточкой варево из кураги, воды и сахара в медном котле на кухонной плите. Затем она сняла пенку и, пока густой сироп остывал, пошла за пустой тарой, для которой у нее был отведен отдельный шкаф. Филомене хотелось, чтобы ее конфитюры были произведением искусства, обладали не только вкусовыми, но и эстетическими достоинствами. А следовательно, стеклянным баночкам, накопленным у старьевщиков, надлежало быть без изъянов. Отобрав два десятка, Филомена выстроила их рядком на столе и приготовила столько же кругляшков из белой бумаги, смазанной глицерином, который она всегда предпочитала подслащенному коньяку, дабы закупорить баночки. Моток бечевки и этикетки с каллиграфически выписанным сиреневыми чернилами названием лакомства были также приготовлены заранее.

«Ложечку за Кольбера, ложечку за Жоржа, ложечку за Деву Пресвятую...»

Вскоре все двадцать баночек наполнились ароматной полупрозрачной оранжевой массой, были закупорены и выставлены на сервировочном столике.

«М-м, как вкусно пахнет! Можешь соскрести с котелка остатки и полакомиться, Филоменочка, – ты заслужила! Но сперва надо накормить Тинтину и Фифи».

Филомена тяжело поднялась со стула и пошла в спальню, находившуюся в другом конце коридора.

Коричневые башмаки шагнули в пустой коридор из уборной, спешно устремились в кухню, и их владелец внимательно осмотрел помещение. Искомой книги не было на этажерке с кулинарными руководствами. Возможно, она заперта в буфете, ключ от которого у Филомены надежно припрятан? Нет времени – грузные шаги хозяйки уже звучат в коридоре.

На кухне Филомена уселась, склонилась над котлом и провела пальцем по его стенке, собирая остатки абрикосового конфитюра. В этот момент за ее спиной что-то прошелестело, раздался слабый стук...

Первый удар пришелся ей на затылок. Филомене почудилось, что она падает в колодезь, наполненный волшебным ароматом.

После второго удара перед ее глазами в ореоле света возник воин верхом на коне в парадной сбруе.

– Мой генерал!..

Третий удар заставил ее умолкнуть навсегда.

Минуты бежали. Где искать? Стол уставлен пустыми банками, горшочками, тарелками, чугунками. В открытом сундуке – ворох бумаги... Вот же, на табуретке – книга в красно-голубом мраморированном переплете!

Нет, не то. Какой-то анонимный трактат о приготовлении конфитюров 1755 года издания, но выглядит в точности как тот драгоценный манускрипт – тот же формат, тот же переплет под мрамор... Коричневый башмак яростно пнул табуретку – она перевернулась, трактат, завертевшись в воздухе, отлетел под стол. Горшочек с каперсами и этикеткой, на которой значилось «Январь 1898», грохнулся на пол и разбился вдребезги.

На втором этаже застоялся сладковатый запах плесени. В двух комнатах обнаружился сваленный в кучу стулья, гора разодранных книжек, канапе и геридон³⁰, уставленный безделушками. На стенах висели цветные гравюры, на каждой был изображен белокурый бородатый офицер в парадной униформе, гарцующий на боевом коне. На полу лежал слой пыли, кое-где сбившейся в хлопья; в пыли тонули мушиные трупики. Обыск спальни на первом этаже также ничего не дал.

На кухне коричневые башмаки остановились возле раковины. Руки в перчатках извлекли из-под нее две корзинки, наполнили их баночками с еще теплым конфитюром, рас-

---

³⁰ Геридон – круглый столик на одной ножке. – Примеч. пер.

ставленными хозяйкой на сервировочном столике, и другими, стоявшими повсюду; к ним добавились вертикальный держатель для книг и черный блокнот, найденный в корзинке с клубками шерсти.

– Сжальтесь над слепеньким! Киньте монетку! Наплевать всем на слепенького, ага. Сплошь безбожники и нечестивцы вокруг, веры ни на грош, а ежели праведник какой в храм Божий заглянет, так непременно скупердяем окажется.

Сидя за мусорными корзинами на улице Пьера Леско, папаша Гляди-в-Оба подсчитывал дневную выручку при свете фонаря. Надежды на щедрость паствы, отстоявшей вечерню, не оправдались, зато нехилую добычу удалось стянуть из кружки для пожертвований.

– Ну, Гляди-в-Оба, видишь теперь, что надобно верить на слово умным людям: «Вы постарайтесь, тогда и Господь постареется»³¹. Спасибо Жанне д'Арк. Хоть одна душа за мной сверху приглядывает.

Он рассовал монетки по карманам, покосился на фигуру в плаще с капюшоном и двумя корзинами в руках и побрел своей дорогой, надрываясь во всю глотку:

– Подайте слепенькому! Благотворящий нищему одалживает Богу!³²

«Не стоило убивать ту тетку. Не стоило. Ха! «Не сокрушайся о непоправимом. Что сделано, то сделано...» Кто это написал?.. Ах да, Шекспир».

Раз-два-три-четыре... Коричневые башмаки мерили комнату из угла в угол, как будто в них был встроено метроном. Паркет стонал под подошвами.

Раз-два-три-четыре... Ритмичные шаги помогали унять разбушевавшуюся ярость. Дело не ладилось. В столь поздний час мнимый слепой не должен был слоняться по улице Пьера Леско. Черный блокнот, найденный в корзинке с клубками шерсти у Филомены Лакарель, был надлежащим образом изучен – и ничего! Список покупок! Откровения старой девы! Пшик!

31 декабря. Вечеринка в «Морай» на Центральном рынке. Миленько посидели. Луковый суп.

Вторник, 4 января. Эфросинья Пиньо одолжила мне «Трактат о конфитюрах», написанный во времена моей прабабки. Надобно вернуть его поскорее, она выпросила книжицу у сына.

Среда, 5 января. Месье Муазан раздобыл то, что я искала. Цены он взвинтил немилосердно, но я могу себе позволить такие покупки, удачные находки – редкая редкость! Выиграла один франк в экарте³³ у Амадея. Будь я лет на двадцать помоложе, уж не упустила бы его. Чудаковат, конечно, зато какая статья! Такой же красавчик, как мой покойный генерал.

Четверг, 6 января. Вернула Эфросинье Пиньо «Трактат о конфитюрах». Опять посидели за рюмочкой в «Морай». Нынче вечером собрание «Фруктоежек» у меня в доме. Будут Шанталь Д., Анни Ш., Ангела Ф. Поделится рецептами. Я им приготовлю вкуснющие подарки – они оценят. Ням-ням, у самой слюнки текут заранее.

Суббота, 8-е. Набережная Вольтера. Встретила Ангелу Ф., которая вчера так и не явилась. Уж я ей все высказала! Купила у Муазана сущий пустячок.

---

³¹ Слова, произнесенные Жанной д'Арк 12 июня 1429 г. во время битвы за Жаржо. – *Примеч. авт.*

³² Притч. 19:17.

³³ *Экарте* – карточная игра. – *Примеч. пер.*

Воскресенье, 9-е. Проспала. Приснилось, что меня, полуголую, генерал Буланже увозит вдаль на боевом коне. Наскоро позавтракала в «Морай» жареными сосисками. Устроила себе сиесту.

Фиаско? О нет! Только без паники! Череда неудач стала следствием неверных поступков – излишняя спешка, плохо продуманный план. В записях Филомены Лакарель упоминаются имена... Нужно просто собраться с силами и начать действовать. Битва будет до победного!

Глава пятая

Вторник, 11 января

Жозеф, сидя на кухне во владениях Кэндзи на втором этаже книжной лавки «Эльзе-вир», отодвинул подальше тарелку с огромным куском камбалы под нормандским соусом с репой и погрузился в чтение старых газет. Одна заметка в «Пасс-парту» привлекла его особое внимание.

– Ого, Мелия, глядите-ка, кто-то взялся истреблять книготорговцев! Этого еще не хватало... Когда это произошло?.. Вот те на! В канун святого Сильвестра! Одиннадцать дней назад... Так-так, это надо вырезать и вклеить в мою тетрадку со всякой всячиной...

Творческая мысль Жозефа немедленно устремилась в полет.

– «Новогодний фарш»... Нет, звучит как кулинарный рецепт... «Убийство в канун святого Сильвестра» – уже лучше... «Смертельный Новый год»... Да! Отличное название для будущего романа-фельетона³⁴. А начать можно так, слушайте, Мелия: «Человек-сэндвич ухмыльнулся и чуть помедлил на пороге темной квартиры...»

– О, месье Жозеф, какая сила воображения! У меня аж волосы дыбом встали!

– То-то ж! Теперь осталось всего ничего – дальше досочинить...

Дверь распахнулась, и на кухню ввалилась Эфросинья Пиньо.

– Матушка! – подскочил Жозеф. – Ты принесла «Трактат о конфитюрах»?

– Кушай, котенок, кушай, не отвлекайся, тебе надобно хорошо питаться, только посмотри на себя, какой бледненький!

– Я ненавижу рыбу – она костлявая. И репу ненавижу! Репа – гадость, меня от нее с души воротит. Матушка, так где же трактат?

– Завтра принесу, котенок, честное слово. И хватит тебе уже о книжках думать, нельзя столько работать, ты совсем семью забросил!

– Господа изволят составлять опись для весеннего каталога месье Мори, – бесстрастно сообщила Мелия, притворяясь, что всецело поглощена чисткой кастрюли.

Эфросинья устала на нее в монокль:

– А вас, душечка, кто спрашивал? Вы тут прислуга или кто? И перестаньте напевать себе под нос! Я, между прочим, из сил выбивалась, учила вас готовить мясные блюда, а мой котенок должен рыбой давиться?!

На этот раз невозмутимая Мелия сделала вид, что больше всего на свете ее интересуют дырочки в шумовке.

Жозеф в надежде разрядить обстановку отправил в рот здоровенный кусок рыбы, героически прожевал и продолжил атаку:

– Матушка, елки-метелки, ты понимаешь, что ставишь меня в ужасное положение? Мне нужен трактат!

– Да что ж творится-то? Все на меня орут как заведенные! Не смей на мать голос повышать! Меня от вас всех уже в жар бросает!

– У тебя температура? – испугался Жозеф.

– У меня предсмертная агония, а ты... ты!.. Иисус-Мария-Иосиф, тяжек мой крест, вот помру – будешь знать!

Мелия мечтательно возвела очи горé.

---

³⁴ Роман-фельетон – «роман с продолжением», главы которого публикуются в периодическом печатном издании. В XIX в. этот жанр был очень популярен во Франции. – *Примеч. пер.*

– Ах если б, если б... – прошептала она и громко сказала: – Чего расшумелись-то? В лавке внизу полным-полно народа.

Из торгового зала невнятно донеслись женский голос и еще какие-то звуки.

– Вот чудно, – пробормотала Мелия, – у вас клиентка то говорит, то твякает... Месье Жозеф, я не вправе вам приказывать, но не помешало бы вам проводить болезную матушку до дому. Можете пройти через апартаменты месье Мори и спуститься в подъезд – я никому не скажу.

– Херувимчик! Белинда! Не надо грызть брюки месье Легри! Фу! – прикрикнула Рафаэлла де Гувелин на шиппера и мальтийскую болонку, взявших в осаду стремянку, на которую забрался Виктор. – Ах, друг мой, какое облегчение очутиться у вас тут, в тишине и спокойствии. Как замечательно, что здесь больше никого нет – мне так нужно отдохнуть от суеты! – Она сняла пальто с накладными плечиками и подхватила собак на руки.

– Вам повезло, что лавка оказалась незаперта – мы вообще-то проводим опись, – сказал Виктор, осторожно слезая со стремянки. – Ваши крысоловки уже утихомирились? Не растерзают меня, если я спущусь?

– Крысоловки?.. Ах, месье Легри! Простите их, они у меня сегодня немного разнервничались – я водила их на кладбище Пер-Лашез, мы каждый месяц туда ходим погрустить у могилы бедняжки Бланш де Камбрези. Какая ужасная смерть – стореть заживо на Благотворительном базаре!³⁵ А ее овдовевший супруг теперь якшается с той бесстыдной дамочкой, которая выступала в кабаре и снималась в синематографе полуголая!

– Вы о княгине Максимовой?

– О княгине? Она потеряла титул! Ее мужу, полковнику конной гвардии императора Николая Второго, надоело быть всеобщей мишенью для насмешек из-за поведения этой... этой...

– Потаскушки? – подсказал Виктор.

– О, месье Легри, я бы никогда не решилась использовать подобное определение! Я бы сказала «дамы полусвета». Но позвольте-ка, я же пришла по делу... – Рафаэлла де Гувелин достала из сумочки выпуск «Иллюстрасьон», что было весьма опрометчиво с ее стороны: собаки немедленно завертелись, пытаются обрести свободу. Хозяйка, не обратив внимания на их маневры, продолжила: – Я уже несколько месяцев разыскиваю роман-фельетон, печатавшийся здесь. Он называется «Необоримое обаяние».

– Не слыхал о таком. – Виктор демонстративно зевнул.

Но Рафаэлле де Гувелин это не обескуражило. Она помахала газетой у него перед носом:

– Это история одного офицера пеших егерей по имени Жан Вальжан...³⁶

– Вы уверены? – поднял бровь Виктор.

Дама поправила очки.

– Да... Нет... Собственно, не суть важно. Так вот, этот Жан собирается жениться на Одетте де Рибейран и вдруг узнаёт, что отец невесты, маркиз де Рибейран, является также и его отцом!

– Какая... интрига! И кто же не поленился это издать?

– Лемер. А дальше еще увлекательнее! Офицер отказался поверить в столь чудовищное совпадение, и тогда открылась еще более ужасная, леденящая душу правда: он оказался плодом любви одной из маркизовых любовниц и прусского офицера!

---

³⁵ См. роман «Маленький человек из Опера». – *Примеч. пер.*

³⁶ Жан Вальжан – персонаж романа В. Гюго «Отверженные». – *Примеч. пер.*

– Ух ты ж! Надеюсь, это не стало причиной дипломатического конфликта? К моему величайшему сожалению, у нас в ассортименте нет сего шедевра.

– Но вы же можете протелефонировать издателю! Уж месье Мори на вашем месте знал бы, что делать. Я его подожду.

– Месье Мори сейчас в Англии с моей тещей.

Рафаэлла де Гувелин покраснела, поставила – почти швырнула – собачек на пол, распутала их поводки, схватила пальто, подобрала юбки и устремилась к выходу. У двери она чуть не упала в объятия высокого мужчины в костюме черного бархата и вандейковской шляпе – он вовремя отшатнулся, тем самым избежав пощечины.

– Что за муха укусила сию перезрелую, но все еще аппетитную нимфу, Легри?

– Ломье?! Вы что, пьяны?

– Ну, принял бутылочку белого сансерского – подумаешь, – пожал плечами художник Морис Ломье. – Мне надо было утешиться. Представьте себе, мы с Мими втайне от всех сегодня на рассвете уехали из Бюта – на счету ни гроша, Дюфайель нас обобрал! Сбежали от кредиторов, если сказать прямо. Бросили всё – мебель, барахло... Мими в отчаянии, ревмя ревела всю дорогу. Запрыгнули в двуколку, которую наш сосед с улицы Лепик, Шарль Леандр, ну, тот, что шаржи рисует, нанял в складчину с Эмилем Гудо и Фернаном Пеле из «Кабаре Четырех Муз», – и поминай как звали. Катились не останавливаясь до набережной Орсе...

– А я-то думал, у вас отбоя нет от заказов на портреты новорожденных...

– Буржуа предпочитают фотографировать своих отпрысков голенькими, разложенными на пузе на какой-нибудь звериной шкуре.

– Так вы, стало быть, теперь без крыши над головой? Если нужна моя помощь, я постараюсь что-нибудь... – без особого энтузиазма начал Виктор.

– Это было бы шикарно, но пока мы кое-как устроились, – махнул рукой Морис Ломье. – Один знакомый военный из окружения Фора³⁷ дал нам временное пристанище в правительственной конюшне – клетушка без удобств, провоняем, конечно, кожей, воском и потом, но он обещает вскоре переселить нас в настоящую жилую комнату в ремонтных мастерских по соседству с шорным цехом. И кто знает, может, не сегодня завтра освободятся офицерские апартаменты. В общем, обживемся за государственный счет, нищенствовать не придется – звезды по-прежнему мне благоприятствуют. Разумеется, я не откажусь от скромной финансовой поддержки... Пардон, надеюсь, от меня не воняет лошадиным навозом?

Виктор невозмутимо вложил синенькую банкноту в увядший экземпляр «Цветов зла» и засунул томик в карман редингота Ломье.

– Бодлер! – восхитился художник. – Мой любимый поэт! Премного благодарен, Легри, за столь редкое издание с такой изумительной иллюстрацией в синих тонах. За нее выражаю вам признательность отдельно. До скорого!

– Ваш покорный слуга, – процедил сквозь зубы Виктор. – Жозеф! – крикнул он, когда за художником закрылась дверь лавки. – Где вы прячетесь?

– Тут я, наверху. Уже можно спуститься? Шакалы разбежались?

– Спускайтесь скорей, я умираю от одиночества!.. Что у вас стряслось? Вид неважнецкий...

– Матушка расхворалась, я проводил ее домой, на улицу Сены.

– Надо было остаться с ней.

– Да ничего страшного – просто переутомилась. Айрис за ней присмотрит. Слыхали новость? В ночь на Новый год убит надомный книготорговец. Его примотали бечевкой к стулу и истыкали ножом. Вы с ним, случайно, не были знакомы? Некий Состен Ларше.

---

³⁷ Феликс Фор (1841–1899) – президент Французской Республики в 1895–1899 гг. – *Примеч. пер.*

– Нет. Жозеф, я подозреваю, что вы тоже переутомились и попросту удрали подальше от домашнего очага, оставив жену и матушку на растерзание Пиньо-младшему. При таких обстоятельствах вам будет позволительно отдохнуть в апартаментах Кэндзи, я за вас поработаю.

– Я ж не сахарный, от трудового пота не растаю!

Сахар?.. Безумная идея то появлялась, то исчезала, маячила на краю сознания, играла в прятки со здравым смыслом.

Труп Жоржа Муазана лежал на стопках книг. Риск велик, тело начнет разлагаться, к тому же оно не уместится там, куда его предполагается поместить. Нужно принять какие-то меры...

И тут идея оформилась окончательно, вырвалась на простор, воссияла: сахар! Отличное средство замаскировать трупный запах!

Из корзины была извлечена первая банка и перевернута над трупом. Ее содержимое медленно потекло на грудь мертвеца. Алая густая масса – клубничное варенье.

Вторая банка, третья...

Желтое – лимонное. Оранжевое – абрикосовое.

На все про все ушло минут десять. Три десятка банок опустели. Жорж Муазан под слоем конфитюра стал похож на мраморную, блестящую, отполированную скульптуру с надгробной плиты. Часы под стеклянным колпаком на каминной полке пробили половину четвертого вечера. Во дворе, охраняемом драконом, визгливо завопила женщина:

– Мурзик! Мурзик! Иди к мамочке, скотина! Жрать пора!

Глава шестая

Среда, 12 января

День обещал выдаться не по-зимнему теплым. Амадей лениво развалился на лавочке; над ним возвышалась статуя Вольтера, окруженная свитой из голубей. Отличное местечко, чтобы побездельничать, греясь на солнышке и посматривая на зевак, которые то и дело собираются у стоек букинистов и расходятся восвояси. Амадей предался своему любимому занятию: он мысленно составлял каталог женских типов. Некоторые дамочки, проходившие мимо, смахивали на богато украшенные новогодние елки. Амадей усмехнулся – они напомнили ему о тех экстравагантных созданиях, что во времена Людовика XV носили платья с юбками, приподнятыми с помощью тростниковых обручей, скрепленных лентами, – некоторые модели подобных «корзинок» достигали трех с половиной метров в диаметре, и при каждом шаге модницы раздавался ужасный скрип, из-за чего их прозвали «крикуньями». Амадей потер яблоко о рукав, с хрустом откусил и принялся наблюдать за усатым букинистом лет шестидесяти, в очках и помятом цилиндре, открывавшим четвертый ящик с книгами.

Ангела Фруэн добралась до набережной Вольтера и позволила себе немного передохнуть – тем более что там уже прохаживался обрезчик сучьев, к которому она питала симпатию. Ангела ничего не имела против мужчин, не слишком заботящихся о своем внешнем виде, – главное, чтобы они были при галльских усах и могучей мускулатуре. Гаэтан Ларю соответствовал.

– День добрый, месье Ларю, мне срочно нужно утешиться – я в ужасном настроении. Представьте себе, меня ограбили!

Она рассчитывала, что Гаэтан пригласит ее в бистро, но тот лишь изобразил пылкое сочувствие:

– Не может быть! Когда же?

– Вчера вечером. Ах, что за люди, что за люди! По счастью, дети еще были в школе, иначе вообразите себе сцену... Меня до сих пор трясет!

– Что у вас украли?

– Резак и горшочки с конфитюрами! Бог с ними, с конфитюрами, не жалко, но резак дорог моему сердцу – он принадлежал покойному негодяю Гратьену. Муженек бросил меня одну с детьми, но все же когда-то мы с ним любили друг друга – до того как ему бес в ребро ударил и он начал ухлестывать за молоденькими. Все же некоторые чувства к нему у меня остались... В общем, после кражи пошла я в комиссариат полиции, а фликам на все наплевать, они даже не знают, что такое резак!

– Я тоже не знаю. Что же это? – прозвучал мужской голос, и Гаэтан Ларю обернулся к подошедшему незаметно человеку:

– Неужто сам монсеньор Амадей? Как вам удастся неслышно подкрадываться? А что это вы так разделись? Вроде не сезон для карнавала.

– Зато ему тепло! – вмешалась Ангела. Глядя на новоприбывшего, она вдруг почувствовала холодок между лопатками. А ведь месье Амадей – ужасно привлекательный муж-

чина. Как это она раньше не замечала? Они уже месяц каждый четверг играют по вечерам в пикет³⁸ у нее на кухне, пока дети учатся в церковной школе...

Амадей лишь улынулся. Уязвленный поведением Ангелы обрезчик сучьев продолжил метать стрелы в жертву:

– А вы для человека столь скромного положения – настоящий щеголь. Портному небось платите тем, что в карты выигрываете? Что-то он у вас от моды отстал...

– Ишь ты – мода! – воскликнул недавно явившийся Фердинан Питель. – Важно не то, что на человеке, а то, что у него внутри! И только попробуйте назвать меня монсеньором!

– Господа, господа, довольно, сложите оружие! Я скромный разночинец, зарабатываю на жизнь продажей альманахов и канцелярских принадлежностей. – Лицо Амадея по-прежнему хранило приветливое, добродушное выражение. – В равной степени мне доставляет удовольствие нести утешение тем, кого болезнь, одиночество или скука отдаляют от их современников. Всего лишь несколько партий за столом – и уныние отступает, бремя бытия не давит им на плечи. Я играю в шахматы, в шашки, в триктрак, в домино и тем самым получаю прекрасную возможность изучать нравы себе подобных. Порой я проигрываю. Случается, что побеждаю, и тогда мне платят – это правило я блюду неукоснительно. Ведь иначе мои партнеры по игре решат, что я провожу с ними время из жалости, и приятность общения будет нарушена.

– Стало быть, вы бродячий торговец, взявший на себя труд утешать всех скорбящих и страждущих? – ехидно уточнил Гаэтан Ларю.

– О нет, я бы надорвался! В настоящее время моей поддержкой пользуются пожилая любительница экарте и паралитик, увлеченный батаем³⁹. Кроме того, я составляю компанию трем игрокам в покер, у которых четвертый приятель попал в больницу, и гадаю на картах Таро для одной бабули каждый вечер – она очень надеется в скором времени унаследовать приличное состояние, и я подпитываю ее иллюзии. Так что за вещичка этот ваш «резак», мадам Фруэн? Неужто нечто вроде бриллиантового кольца?

– Шутить изволите! – фыркнул Фердинан Питель. – Это такой здоровенный нож – его одним концом крепят к верстаку и с его помощью тачают сабо.

– Ах да, вы же сапожник. Мне как раз нужно подбить новые подметки на башмаки. Я ими дорожу как зеницей ока – мы вместе повидали немало стран.

– До того как переехали в Париж, мы жили в Камамбере, в деревеньке под Байё, – влезла Ангела Фруэн, уязвленная недостатком внимания к своей персоне. – Мой муж сабо тачал. Лучше б так и сидели в глуши, право слово! Воры мне вчера ко всему прочему еще и окно разбили, пришлось заткнуть дыру газетами. Только холода нынче такие стоят, сами видите, что надо как можно скорее стекло заменить, а это какой удар по семейному бюджету!

– Ячмень – ужасно неприятная штука, глаз болит, – невнятно пожаловался Вонючка, вернувшийся из кафе. Перегаром от него несло сильнее, чем обычно. Он по привычке притворялся глухим – вкупе с винным выхлопом ему это, как правило, помогало остаться при своих, если клиент пытался торговаться.

– По крайней мере ни дождя, ни шквального ветра можно не опасаться, – выдал предсказание Люка Лефлоик.

– Если хотите, Анге... мадам Фруэн, я поставлю вам новое стекло на следующей неделе. Бесплатно, – шепнул Ангеле обрезчик сучьев.

– Ах, это будет очень любезно с вашей стороны, месье Ларю. Я непременно сумею вас отблагодарить, – жеманно проворковала чесальщица.

Именно этот момент выбрал для своего появления инспектор VI округа:

---

³⁸ Пикет – карточная игра. – Примеч. пер.

³⁹ Батай – карточная игра. – Примеч. пер.

– Здравствуйте, месье Перо, мой долг – засвидетельствовать де-визу ваше официальное разрешение на букинистическую торговлю. Рад убедиться, что обошлось без квипрокво и лицензия на одну и ту же торговую точку не выдана случайным образом сразу двум гражданам. Позвольте зачитать вам несколько выдержек из устава: «Торговец обязан иметь при себе учетный лист, в коем должно указать имя и адрес означенного торговца, а также перечень приобретенных книг. Расчетные суммы, поступающие к торговцу...»

– Это требование будет весьма затруднительно исполнить, месье! – перебил Амадей. Он был выше чиновника на голову, и тот, оценив диспозицию, предпочел ретироваться.

– Bravo! Вы спасли нас от слепого Правосудия! – возликовал Вонючка.

Рауль Перо уже не страдал ни от холода, ни от страха перед будущим. Он чувствовал себя так, словно был букинистом долгие годы и все это время провел среди своих, среди людей, настолько преданных делу, что каждый из них готов вступить за коллегу перед властями, бросить им вызов.

– Вы далеко живете, месье? – обратился он к Амадею, к которому уже проникся симпатией.

– В Менильмонтане, рядом с водохранилищем. Но когда есть охота и свободное время, люблю прогуляться по Парижу пешком. И здесь, на Сене, я чувствую себя как дома.

– Я тоже, – подал голос Фюльбер Ботье, – только мне тут, у себя дома, приходится на хлеб зарабатывать. Выставляю цену – честную, без обмана, набегают зеваки с чадами и домочадцами, тотчас устраивают семейный совет и давай препираться, торговаться, клянуть, а зимой я, как правило, более уступчив... Скажите-ка, месье Ларю, вы все-таки муниципальный служащий, может, слышали, что там затевается? Говорят, железную дорогу к будущему Орлеанскому вокзалу протянут под землей параллельно Сене до набережной Орсе, и еще собираются построить не только здоровенную конечную станцию в двух шагах, но и еще одну на набережной Сен-Мишель. Я это слышал от одного инженера, который иногда у меня закупается.

– В октябре палатой депутатов был подан парламентский запрос, – вмешался Лефлоик. – Мы все с облегчением вздохнули, когда узнали, что депутат Вивиани за нас вступился. Сами ж понимаете, если нас отсюда вытурят к Лувру, мы разоримся. А изгнание может продлиться года два!

– Ну, я-то здесь ни при чем, обрезаю ветки где велют, а все прочее... – рассеянно отмахнулся Гаэтан Ларю. – Вам помочь с тележкой, мадам Фруэн?

– Не откажусь! – просияла Ангела. – До завтра, месье Амадей, нам нужно закончить партию. Берегитесь – я намерена разгромить вас в пух и прах! И не расстраивайтесь заранее: не везет в картах, повезет в... – кокетливо шепнула она напоследок.

– Ты уверен, что она не слишком горячая? – Таша придирчиво следила за каждым движением Виктора.

– Я сунул локоть в кастрюлю, не беспокойся, все под контролем.

– Эфросинья права, надо было побольше каши ей приготовить.

– Доктор Рейно – врач старой выучки, он рекомендует в качестве детского питания стерилизованное молоко и крупы, но категорически воспрещает закармливать ребенка до смерти.

– Тем не менее он посоветовал нам купить весы для взвешивания грудных детей.

Виктор мысленно пожелал, чтобы в этот утренний час никому не пришлось в голову нанести ему визит – иначе главу семейства Легри застали бы в фартуке и с детским рожком в руках. Алиса жадно сосала жидкую молочную кашку, а он радовался, что у дочери такой хороший аппетит. Таша еще лежала в постели – рыжие волосы в беспорядке падают на бледные щеки, под глазами темные круги. Она внимательно наблюдала за мужем.

- Если бы тебя видели сейчас твои клиенты!
- Они превознесли бы до небес мою отцовскую самоотверженность! Я же один такой – кто еще из мужчин согласится на роль няньки?
- Признайся, что ты сам счастлив до беспамятства поучаствовать в кормлении наследницы!

Виктор и не думал спорить. Когда доктор Рейно сообщил им, что вторая беременность мадам Легри крайне нежелательна, поскольку может сопровождаться осложнениями, опасными и для нее самой, и для ребенка, Виктор с еще большей нежностью стал относиться к первому плоду их с Таша любви. Он испытывал острую потребность опекать дочку, оградить ее от малейших неудобств, отвести все беды. Он знал всё о каучуковых сосках и сыворотке против дифтерийного ларингита. И часто вспоминал собственные детские годы – время, когда чувствовал себя несчастным из-за холодности и равнодушия родного отца. Но в последние месяцы растущий груз ответственности часто гнал его прочь от домашнего очага – Виктор искал предлог отлучиться из дома, будто таким образом он мог избавиться от гнетущей растерянности перед будущим.

Сейчас он ходил по комнате из угла в угол с наевшейся Алисой на руках и гладил ее по спинке – ждал, когда ребенок срыгнет.

- К нам заходил Морис, – сообщила Таша, покусывая ноготь на большом пальце.
- Ломье? – Настроение у Виктора сразу испортилось.
- Ну да. Я чуть не разрыдалась, когда он начал жаловаться на жизнь – они с Мими нашли временное пристанище на набережной Орсэ, неподалеку от Дома инвалидов. Это же глушь какая – только жилые дома, сады и административные здания.
- Я в курсе, Ломье и ко мне в лавку заглядывал. Сказал, что обустроился в армейских конюшнях за государственный счет, и выразил опасение, что уже пропах навозом.
- Почему же ты мне об этом сразу не рассказал? Неужели до сих пор ревнуешь?
- Ревную? Я? Ничуть не бывало, моя прелесть.

Таша уставилась на мужа с подозрением и продолжила игривым тоном:

– За конюшнями, где они поселились, находятся мраморные мастерские. Морис встретил в тех краях Анри Мартена, Жан-Поля Лорана⁴⁰ и Родена. За Роденом он увязался хвостом, но так и не решился с ним заговорить, зато выяснил, что скульптор каждый день завтракает в одном и том же ресторане неподалеку от площади Альма. Представляешь, у владельца заведения есть художественные наклонности – он мечтает открыть картинную галерею.

– Ломье своего не упустит. Могу поспорить, он уже стоворился с этим ресторатором и скоро они составят конкуренцию Амбруазу Воллару⁴¹.

– У тебя пророческий дар, милый! Именно это Морис и замышляет. Я была шокирована, узнав, что он отрекся от творческих планов и карьеры художника, чтобы посвятить себя торговле!

– Ну, может, это его истинное призвание и... – Виктор не договорил – событие, которого семейство ожидало, наконец свершилось, и теперь по его плечу растекалось пятно молочной каши. Виктор попытался стереть его полотенцем.

– Бесплезно, милый, – хмыкнула Таша. – Это даже не отстирывается.

Виктор поморщился и осторожно уложил дочку в колыбельку.

– Так что тебе ничего не остается, как просто снять свою элегантную пижамку в синюю полоску, – добавила Таша.

---

⁴⁰ Анри Мартен (1860–1943) – художник-импрессионист. Жан-Поль Лоран (1838–1921) – художник и скульптор. – Примеч. пер.

⁴¹ Амбруаз Воллар (1866–1939) – знаменитый в свое время торговец произведениями искусства, коллекционер и издатель. – Примеч. пер.

Он немедленно последовал совету и с голым торсом остановился у кровати, глядя на жену с видом гурмана, перед которым поставили самое лакомое блюдо. Таша откинула одеяло.

– Тебе кто-нибудь говорил раньше, что ты чертовски привлекательный мужчина? И такое впечатление, что с каждым днем набираешь мышечную массу – неужели потому, что повсюду таскаешь с собой тяжеленный фотоаппарат? Тебе не холодно? Простудишься, иди сюда, я тебя погрею.

– Я опоздаю в лавку, Жозеф опять разворчится. Он и так уже записал меня в лодыри.

– И он прав. Но если ты сейчас уйдешь, месть моя будет ужасна!

Виктор немедленно сбросил домашние туфли, стащил пижамные штаны и нырнул под одеяло.

– Удивительно, ты ведь уже не кормишь Алису, а грудь у тебя ничуть не уменьшилась... – пробормотал он. – И бедра такие упругие, и кожа на животе такая гладкая, нежная...

– Всё для тебя, милый...

Виктор обнял жену, чувствуя, как плечо щекочет локон рыжих волос.

Амадей попыхивал трубкой, прислонившись спиной к парапету набережной Сен-Мишель и наблюдая за толпой прохожих – в парижских конторах заканчивался обеденный час, и служащие, молодые и старые, спешили, сбивая подметки, вернуться на рабочие места. Голодранцы наскоро перекусывали на ходу, закупившись у владельцев ларьков на площади Мобер. Особое внимание Амадея привлекали прелести проходивших мимо гризеток с кулечками жареной картошки в руках.

«По сути, все эти люди топчутся на месте всю жизнь, от рождения до смерти. Едят, пьют, надрываются на работе, спят, занимаются любовью, делают детей... – думал он. – Я столько лет не общался с прекрасным полом, и вот вдруг пригодилось мое шутовское ремесло – нашел себе партнершу, которая, как и я, не любит болтать, а сразу переходит к делу...»

Ей было за тридцать, и звали ее Аделина Питель. Блондинка пышных, рубенсовских форм в очень скромной одежде, ничуть не лишавшей ее сексуальности. Они познакомились на набережной Вольтера. Эрудиция Аделины и ее внешнее сходство с одной из его прежних любовниц сразу покорили Амадея.

Неподалеку аккордеонист, примостившись на пустых ящиках, наигрывал песенку на стихи Беранже, и высокие, звонкие ноты мелодии напомнили Амадею о концерте струнного оркестра в Вене, где он присутствовал в компании одной юной особы, в которую был влюблен без памяти.

Он облокотился на парапет и, устремив невидящий взгляд на Сену, прошептал:

– Мэри, я по тебе скучаю... Как же не прав я был тогда...

Его мысли вернулись к Аделине Питель. Близкие отношения у них завязались по окончании партии в шашки. Аделина нарочно проиграла ему, не скрывая, что поддалась, и в глазах ее при этом было что-то такое, от чего он загорелся желанием. Мимолетное соприкосновение пальцев, когда она протянула ему рюмку бенедиктина, перешло в поцелуй, за ним последовали робкие ласки, потом объятия, а когда ее платье и нижние юбки упали к ногам, Амадей увидел сиреневую шелковую подвязку с пышным бантом – она пахла ванилью, и последний барьер благопристойности рухнул...

Их связь длилась уже полгода. После интимной близости Аделина одевалась и снова превращалась в скромняжку. Амадей знал, что это эротическое приключение будет скоротечным, но ему даже нравилась манера любовницы между делом заговаривать о «тяжелом социальном положении холостяков, вынужденных в одиночку нести тяготы существования». Она читала древних греков и прочих классиков, а талантом каллиграфа и миниатюриста могла

сравниться с лучшими средневековыми переписчиками. С ней – впервые за долгое время – Амадею было хорошо и покойно, он не боялся последствий чужого любопытства: Аделина принадлежала к категории женщин, озабоченных соблюдением внешних приличий.

Он затушил трубку и направился к собору.

Если бы Аделине Питель сказали, что этимология французского слова *parvis* («паперть») восходит к церковному латинскому *paradisus* («рай»), она бы просто пожалала плечами, закутанная черной уныло-траурной шалью. Рай Аделины находился в другом месте – на улице Арколь, в писчебумажном магазине, чей владелец когда-то был ее любовником, а затем стал деловым компаньоном. Он продавал почтовые открытки и книжные закладки, которые его бывшая дульсинея украшала благочестивыми надписями, каллиграфически выведенными тушью, и обилием миниатюрных колокольчиков, розочек и щекастых ангелочков.

Большая карета, запряженная четырьмя лошадьми, пересекла мост Двойной платы, из нее высыпала толпа иностранных туристов, и каждый мгновенно устремил лорнет на горгулий в снежных шапках; уличные торговцы тем временем не замедлили взять в осаду зевак мужского пола, показывая им из-под полы книжки-раскладушки с фотографиями на галантные сюжеты.

Аделина Питель свернула на улицу Клуатр-Нотр-Дам. Башенки собора возвышались над окрестными каминными трубами и коньками жестяных кровель; с портиков осыпалась штукатурка в такт биению промышленного сердца столицы; на скользкой мостовой девчонки прыгали через скакалку; скрипели шаткие лестницы под нагруженными припасами домохозяйками, которые спешили с покупками домой, готовить семейный обед. Вбок уходила между особняками XVII века извилистая улочка Шануанес, чудом уцелевшая на закате Второй империи. Здесь, среди мелких лавочек, находилась сапожная мастерская Аделининого племянника-шалопаю Фердинана.

– Ну ясное дело – закрыто. И этот бездельник еще смеет рассуждать о неустанных поисках совершенства формы, – проворчала Аделина, покосившись на грязно-белый фасад домишки и криво намалеванное на оконном стекле объявление: «Шьем и починяем обувь».

«Все уши мне прожужжал своими пошлыми теориями: «Можно быть художником, выпиливая лобзиком по дереву или возводя стену, можно быть художником, занимаясь чем угодно, при условии, что вкладываешь в свое дело душу, чтобы преумножить в мире красоту и гармонию». Нет, ну надо же! Вот я – художник, а он – сапожник, к которому если кто и заглянет, так лишь когда последняя подметка отвалится!»

Она вошла в подъезд дома номер 10, едва не столкнувшись на пороге с жильцом по имени Пьер Тримуйа⁴². Аделина терпеть не могла этого лохматого господина с выдающимся носом, хотя он всегда был крайне любезен.

«Мнит себя поэтом, а на самом деле мелкий чинуша у государства на довольствии. А на голове что? Это разве волосы? Это ж щетка – паутину собирать по углам. Жалковато он выглядит рядом с Фердинаном. Однако, хороши соседи: рифмоплет и башмачник. Что тот размазня, что этот! Да и Жоашен дю Белле⁴³, который давным-давно вот на этой самой улице копыта отбросил, наверняка был той же породы. Ах, мужчины! Мой нынешний воздыхатель, конечно, тот еще чудак, ведет себя словно какой-нибудь заговорщик, но по большому счету мне не на что жаловаться: он никогда не занудствует и доставляет мне удовольствие. Итак, пора приготовить любовное гнездышко для нашей сегодняшней встречи...»

---

⁴² Пьер Тримуйа (1858–1929) – французский поэт-песенник и писатель-юморист. – *Примеч. пер.*

⁴³ Жоашен дю Белле (1522–1560) – французский поэт, теоретик творческого объединения «Плеяда» и близкий друг Ронсара. – *Примеч. пер.*

Глава седьмая

Четверг, 13 января

Эфросинья Пиньо поплотнее запахнула полы плаща-ротонды, который сшила сама за несколько вечеров по выкройке из «Журнала для девиц». Не зря же отец ее снохи, месье Мори, утверждает, что с возрастом надобно бороться, что «отрицать возраст – значит оставаться вечно молодым». На душе у Эфросиньи было беспокойно. С тех пор как у нее вышла размолвка с сыном, она думала только о том, как бы поскорее загладить свою вину и вернуть ему «Трактат о конфитюрах». Хотя по правде виновата была Филомена – это она перепутала драгоценное издание с какой-то ерундой. Что за блажь все подряд обклеивать этой дурацкой бумагой под мрамор! Эфросинья собиралась обменять книжки – вопрос будет закрыт, сынок перестанет ей докучать.

Она прошла мимо «Ангела-хранителя» – сомнительного заведения, нагло щеголявшего вывеской на углу улицы Пируэт⁴⁴ рядом с церковью Святого Евстахия. В «Ангеле» соби­рался всякий сброд, бандиты и мошенники, и Эфросинья осенила себя крестным зна­нием, три раза пробормотав «Иисус-Мария-Иосиф», чтобы оградиться от всяких неприятностей. Она ускорила шаг, проходя мимо кондитерской, притулившейся между прачечной и ремонтной мастерской. В кондитерскую ей ужасно хотелось заглянуть, но она себе не позво­лила, иначе непременно поддалась бы искушению и купила Дафнэ пралинки, а детям слад­кое вредно. Однако равнодушно пройти мимо царства огородников, уже разложивших дары природы или разгружавших свои повозки, она не могла – так засмотрелась на прилавки быв­ших коллег-зеленщиков, что очнулась, лишь когда в глазах запестрело от лангустов и дичи. Тут Эфросинья поняла, что заблудилась. «Улица Монторгёй, мне же не сюда, а это Монде­тур, надо же, куда забрела, что-то не узнаю окрестностей... Гостиница «Золотой компас»... Вот растяпа!» Она очутилась на просторном дворе – в здании на первом этаже находились конюшни, повсюду лежали кучи навоза, вокруг них расхаживали куры, косясь на лошадей. Эфросинья шарахнулась от путавшейся под ногами цесарки и замахала руками на козу, взду­мавшую полакомиться бахромой ее плаща-ротонды. В ярости выскочила на какую-то про­вонявшую кровью улицу, где на каждом шагу попадались мясные лавки и лотки с требухой. Свернула направо, затем налево – здесь витали запахи лекарств и подгоревшей картошки.

Неподалеку от жилища Филомены она столкнулась с чудачком, которого уже встречала раньше на улице Сен-Пер в компании кузена Мишлин Баллю. Сейчас чудак был одет точно так же – этакий аристократ времен Революции – и разговаривал со слепым нищим, стоя посреди дороги. Недуг, похоже, не причинял нищему никаких неудобств – тот старательно протирал очки платком размером с наволочку для подушки, время от времени бросая иро­нические взгляды на собеседника.

– Э, дамочка, глаза разуйте! – завопил мнимый слепец, успевший в отличие от мнимого аристократа отпрыгнуть. – Сами-то не ушиблись?

Слегка оглушенная столкновением Эфросинья сделала несколько нетвердых шагов и, бранясь себе под нос, решительно устремилась дальше.

– Дык я о чем толкую? – продолжил нищий прерванный разговор, мгновенно забыв о «дамочке». – Дело стало таким прибыльным, что он уже продает пробки для графинов,

⁴⁴ Сейчас это часть улицы Птит-Трюандри. – *Примеч. авт.*

ракушки, вещицы из бронзы и даже ключи! А еще сбывает карточные колоды. Да уж, чудной народец – букинисты, среди них есть такие, у кого на прилавке ни одной книжки!

– Им бы заняться продажей червей – в сезон на набережных толпы рыбаков, – отозвался аристократ, пристально глядя вслед Эфросинье. – У меня сосед червей разводит в протухшем мясе на мансарде... Ну что ж, позвольте откланяться, меня уже заждались на улице Шануанес – назначена партия в марьяж⁴⁵. – Зашагав своей дорогой, он думал о том, что где-то видел раньше эту дородную женщину с корзинкой, но никак не мог вспомнить где.

Измотанная вконец Эфросинья уже стучала в дверь своей товарки, мысленно заклиная: «Только бы она оказалась дома!» Створка двери приоткрылась.

– Ау! Филомена!

Никто не ответил.

«Странно, она всегда запирается на два оборота... Батюшки, какая вонь! Разит тухлыми яйцами, Филомена совсем забросила уборку...»

Эфросинья ступила в темный коридор. А вдруг в дом забрался вор и сейчас как выпрыгнет? Бледный прямоугольник света на полу означал, что на кухне открыты ставни. Эфросинья на ощупь двинулась туда. Что-то хрустнуло у нее под ногой, женщина в испуге замерла и увидела темный силуэт – на кухне кто-то сидел, наклонившись вперед.

– Филомена? Что с тобой?

Эфросинья, приблизившись, коснулась пальцев, вцепившихся в ручку котла, – они были ледяные. Вдруг пальцы разжались, рука соскользнула, и тело повалилось на каменный пол. Эфросинья подскочила, шарахнулась назад, влетев спиной в этажерку.

– Иисус-Мария-Иосиф! Караул! – Ее лицо сделалось белым как мел. – Надо бежать, надо бе... – в ужасе забормотала она, но слова застряли в горле.

Толстуха уже ничего не видела – ни котла, ни труп. Если бы кухонный пол провалился у нее под ногами и стены обрушились, она испугалась бы меньше. Осознание произошедшего парализовало ее, страх сковал все тело, где-то в желудке начал расти тугой ледяной ком. Вытолкнув наконец из груди сдавленный вопль, Эфросинья бросилась вон из дома с такой прытью, которой сама от себя не ожидала, и бежала до тех пор, пока изуродованные варикозом ноги не отказались ее нести.

Аристократа около церкви Святого Евстахия уже не было, зато свидетелем олимпийского забега стал папаша Гляди-в-Оба, успевший протереть очки до идеальной прозрачности и водрузить их на нос.

– Пожар, что ли?! – крикнул он вдогонку.

Жозефу в очередной раз пришлось встать ни свет ни заря. Накануне вечером торговец игрушками с улицы Ренн прислал ему извещение о том, что в продаже наконец-то снова появились две оловянные фигурки – Клео де Мерод и Чулалонгкорна⁴⁶. Балерина и владыка Сиама имели такой успех на Больших бульварах, что на Новый год Дафнэ осталась без вожделенного подарка. А Виктору пришлось обойтись без «синематографической» перьевой ручки, внутри которой обнимались два лилипута – Николай Второй и Феликс Фор; Жозеф так и не смог ее купить вовремя. «Все распродано, – сокрушался лавочник. – Но я не теряю надежды пополнить запасы – один клиент обещал, что обдумает предложение обменять такую ручку на почти новую афишу «Сирано де Бержерака».

---

⁴⁵ На западе и юго-западе эта карточная игра называется «бриск». Писанных правил у нее нет. – *Примеч. авт.*

⁴⁶ Клеопатра Диана *де Мерод* (1875–1966) – французская танцовщица, очень популярная в конце XIX в. *Чулалонгкорн* (1853–1910) – король Таиланда. – *Примеч. пер.*

Сейчас Жозефа переполняла радость, хотя пораненный палец еще болел. Молодой человек бодро шагал по улице, сжимая в кармане две оловянные статуэтки, и вдруг услышал вопли газетчиков:

– Покупайте «Аврору»! Ответ Клемансо и Золя на оправдательный приговор Эстерхази!⁴⁷ Такого вы еще не читали!

Торговля шла бойко – мальчишки не успевали раздавать свежие выпуски, выдергивая их из сумок на плече. Народ толпился у газетных киосков на всем пути от церкви Святого Жермена до здания Геологического общества. Жозефу удалось наконец пробиться к прилавку и завладеть экземпляром «Авроры».

– Пять сантимов, пжалста, – проворчала продавщица. – Свезло вам, у меня всего-то три штуки этой газетенки осталось. Некоторые ее скупают только для того, чтобы сжечь. А и немудрено – этот полуйтальяшка и на четверть грек⁴⁸ совсем зарвался! Печатные станки небось всю ночь шаршили без остановки, чтоб завалить город его гнусностями!

Жозеф, взяв курс на улицу Сен-Пер, принялся читать газету на ходу. На первой полосе ему в глаза сразу бросился заголовок, набранный жирным шрифтом:

Я ОБВИНЯЮ!..

Письмо президенту Республики

от Эмиля Золя

– Вот это лихо! – восхищенно присвистнул молодой человек. – С ума сойти!

Лавку он открывал, уже пребывая в таком неистовом восторге, что зазевался, споткнулся, не устояв под весом железного ставня, и чуть не наступил на ногу фрейлейн Беккер, постоянной клиентке «Эльзевира», которая пришла похвастаться новым приобретением.

– Осторожно, месье Пиньо, вы помните мой рекламный плакат! – возопила она, устремившись в лавку мимо смущенно уступившего ей дорогу Жозефа. – Вы не представляете, чего мне стоило отодрать его от забора! Вот, глядите, какое чудо: «Велосипеды Плассона», подписано Роббом!⁴⁹

– Черт... Клянусь блаженной Глокеншпиль, они его в ключья растерзают, порвут просто! Надеюсь, хоть в дом им вломиться не удастся...

– Растерзают мой плакат? – ужаснулась фрейлейн. – Месье Пиньо...

– Да нет же!..

– О чем вы тут болтаете, молодой человек? – вдруг раздался пронзительный голос. На Жозефа в лорнет строго уставилась Олимпия де Салиньяк, не ожидавшая такого приема в книжной лавке. – Я заказала у вас «Тайну Гертруды» Андре Терье почти две недели назад. Вы ее получили? Отвечайте немедленно, мне еще нужно раздать приглашения на званый вечер пяти подругам, я и так опаздываю и не намерена...

– Вы только послушайте! – перебил Жозеф и принялся вдохновенно читать вслух: – «Я обвиняю подполковника дю Пати де Клама в том, что судебная ошибка стала следствием его дьявольских козней... Я обвиняю генерала Бийо в том, что он, располагая непровержимыми доказательствами невинности Дрейфуса, утаил их от общественности... Я обвиняю генерала де Буадеффра и генерала Гонза в соучастии в этом преступлении... Я обвиняю генерала де Пельё и майора Равари в злодейской подтасовке фактов во время следствия...» О, какой слог! Потрясающе! Изумительно! Прямо Габорио!

– Габорио? При чем тут Габорио? Насколько я понимаю, речь идет о том еврейском предателе? Кто автор гнусных инсинуаций, которые вы нам зачитали? – Графиня де Сали-

⁴⁷ Речь идет о деле Дрейфуса. Подробнее см. послесловие к роману К. Изнера «Маленький человек из Опера». – *Примеч. пер.*

⁴⁸ Имеется в виду Эмиль Золя. – *Примеч. пер.*

⁴⁹ Манюэль Робб (1872–1936) – французский художник и гравер. – *Примеч. пер.*

нюк попыталась выхватить газету из рук Жозефа. – Это оскорбительно! Нужно немедленно запретить подобные гнусности!

– Я догадываюсь, что вас так возмутило, дорогая, и всецело разделяю ваше негодование, – заявила незаметно вошедшая в торговый зал Матильда де Флавиньоль. – Я тоже совершенно ошеломлена этой новой модой – надо же додуматься до такого! Дамы высшего света обзаводятся живыми тварями, украшают их драгоценными камнями, на ночь кладут в стакан с водой, а днем прикрепляют на воротник! Да по этому великому ювелиру, месье Тамплье с улицы Руаяль, тюрьма плачет!

– Ну все с ума посходили, – простонал Жозеф. – О чем вы, мадам?

– О брошках-черепашках, конечно же, о чем еще? Ведь вы сами об этом завели разговор, разве нет?

– Mein Gott!⁵⁰ Немецкий механик Дизель – запомните это имя! Ах, я вся трепещу! Он изобрел мотор, который работает на бензине и сжатом воздухе! Это революция! – Хельга Беккер закружилась по тесному помещению, как пьяная бабочка.

Жозеф забрался на стол и, потрясая газетой перед бюстом Мольера, завопил:

– А в заключение! Что он пишет в заключение! Просто ошеломительно! «И выдвигая сии обвинения, я вполне осознаю, что подвергаюсь риску быть привлеченным к суду по статьям тридцатой и тридцать первой закона о прессе от двадцать девятого июля тысяча восемьсот восемьдесят первого года, каковые карают за распространение клеветы. И тем не менее иду на это по доброй воле... во имя света и пострадавшего человечества!..»

– Что за сумасшедший дом? Дамы и господа, извольте уgomониться! – Виктор вкатил в лавку велосипед, аккуратно отодвинул с дороги трех женщин и заставил Жозефа слезть с трибуны. – Вы что тут устроили, любезный зять? Хорошо, что Кэндзи в Лондоне.

– Но, патро... то есть Виктор, вы хоть понимаете, в какое судьбоносное время мы с вами живем?! Этот день войдет в историю! Эмиль Золя обвиняет правительство в том, что оно осудило невиновного человека на основании сфальсифицированных доказательств! – Жозеф сунул шурина под нос газету.

– Не пугайте меня, месье Легри, – вмешалась мадам де Салиньяк, – уж вы-то ни капельки не сочувствуете этому еврею Дрейфусу, я надеюсь. Что до итальяшки Золя, опубликовавшего свои мерзкие измышления, – гореть ему в аду, негодяю!

– Как бы вам самой туда не угодить! – выпалил Жозеф, багровея от ярости.

– Что?! Грубиян! Как вы смеете! Если вы поддержите лжеца Золя, можете вычеркнуть меня из списка постоянных клиентов!

Виктор дочитал статью, его руки дрожали. Он медленно отложил газету, выпрямился и посмотрел в лицо графине:

– Помните, вы уже объявляли нам бойкот по какому-то ничтожному поводу. Теперь же у вас есть веские основания держаться от нас подальше. Мы прекрасно обойдемся без вас.

– Хам! Невежа! – задохнулась от негодования мадам де Салиньяк. – Ни малейшего уважения к моим седидам и социальному статусу! Впрочем, меня не удивляет, что так ведет себя человек, женившийся на единовержке предателя Дрейфуса!

Виктор застыл, пораженный этим всплеском ненависти. Он женился на Таша по любви, не думая о ее происхождении, они оба не отличались религиозностью и не посягали на убеждения друг друга. До сих пор они делились опытом духовных исканий и вместе пытались найти ответ на вопрос о смысле жизни. Когда состоялся суд над капитаном Дрейфусом, Виктор еще острее почувствовал солидарность с женой. К сожалению, поначалу его вера в невиновность Дрейфуса была не так крепка, но Эмиль Золя всем преподал прекрасный урок

---

⁵⁰ Боже мой! (нем.) – Примеч. пер.

отваги. А мадам де Салиньяк окончательно рассеяла пелену перед глазами Виктора. И он бы потерял остатки хладнокровия, но тут, по счастью, вмешался Жозеф.

– Убирайтесь отсюда, – процедил сквозь зубы молодой человек. – И чтобы ноги вашей тут больше не было.

Казалось, мадам де Салиньяк сейчас удар хватит. Она вцепилась в рукав Матильды де Флавиньоль:

– Идемте скорее, дорогая, этот человек общественно опасен!

– Весьма сожалею, но я не...

– Что?! Вы отказываете мне в поддержке? Вы, стало быть, на стороне евреев и франк-масонов?

– Месье Легри – уважаемый человек, я питаю к нему симпатию и...

– Признайтесь лучше, что вы к нему равнодушны! Известное дело – некоторые дамы в определенном возрасте начинают испытывать порочную склонность к... А вы, фрейлейн Беккер, вы тоже небось навоображали себе всякого?

– Право, мадам де Салиньяк! Как вы могли подумать!.. – вспыхнула немка.

Графиня презрительно фыркнула:

– Да у вас на лбу написано, что вы никогда не были замужем, но полны надежд!

Скандализованная Хельга Беккер отчаянно замотала головой, на щеках ее проступили два предательских алых пятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.